

**М. ФЕДОРОВ**  
**А Б У Р А Й Х А Н**

**НОВЕЛЛЫ  
О БЕРУНИ**

**МУАЛЛИМ  
ДИОНИСИЙ  
АЛ-ИРАКИ  
ВО ДВОРЦЕ  
РЕЙ  
ГАЗНА  
ЗАКАТ**

**Издательство  
ЦК ЛКСМ Узбекистана  
„Ёш гвардия“  
Ташкент - 1974**

Уз

Ф 33

Федоров М.

АБУ РАЙХАН. НОВЕЛЛЫ О БЕРУНИ. Т., «Еш  
гвардия», 1974.

176 с.

Уз

0-7-3-2—156  
Ф.М.-356-06 70—74

© «Еш гвардия», 1974.

**Михаилу Ивановичу  
Шевердину -  
моему наставнику  
на путях литературных.  
Автор**

**В истории есть имена, которые веками хранит благодарная память человечества. К ним принадлежит и имя великого ученого Востока хорезмийца Абу Райхана ал-Беруни, чье тысячелетие со дня рождения, по решению ООН, в 1973 году широко отмечалось во всем мире.**

**О жизненном и научном пути Беруни в живой и увлекательной форме рассказывает в своей книге писатель, историк и археолог М. Ф е д о р о в.**

1

# **Муаллим**

**„По своей натуре я с ранней  
молодости был наделен  
крайней жаждой  
к приобретению знаний“.**

**Абу Райхан ал-Беруни**



---

иль... Мягкая, бархатистая, словно мука. Раскаленная и злая в знойный полдень, она больно кусает босые ступни, а вечером теплая, как парное молоко, ласково щекочет между пальцами. Утром она прохладна и сыровата, как свежий ветерок, что приносит на рассвете дыхание Джейхуна. Спокойная и ленивая, лишь тронь ее, пыль взмывает вверх под копытами скачущих лошадей или под ударами ветра. И тогда она покроем тонким слоем твое лицо, одежду, и ощутишь ты во рту ее привкус.

Если принести воду в обломке глиняного кувшина, то можно из этой пыли приготовить чудесное тесто и лепить из него пирожки, лошадок и всякую всячину. Или сделать хлопущку да шлепнуть ее с размаху о землю. А потом в пыли хорошо чертить узоры и рисовать...

Маленькому Мухаммаду шел восьмой год. Его ветхий глиняный домишко расположен в пригороде древней столицы Хорезма, возле большой дороги, ксторую копыта лошадей, колеса повозок и заскэрузные подошвы пешеходов растолкли в мелкую пыль. Листва деревьев в их садике всегда покрыта сероватым налетом.

Отца своего Мухаммад не помнит, он знает только мать — худую, преждевременно поседевшую женщину с печальными блестящими глазами. Ей тяжело: с утра до вечера трудится она, чтобы прокормить Мухаммада и себя. Мать не отказывается ни от какой работы: если надо — постирает, поможет убрать в доме, приглядит за чужими детьми, оставив Мухаммада одного. В свободное время она вышивает недорогие платки и пояса. А тут еще и хозяйство: садик, огород да пара овец.

Сын рано привык к одиночеству. Мать уходила на целый день, оставив ему лепешку и кувшин молока. Мухаммад стерег дом, приглядывал за пасущимися овцами да возился в пыли на обочине большой дороги.

Соседских мальчишек он сторонился: они часто дразнили его за то, что у него нет отца. Мухаммад бросался на обидчиков, но их было больше, и ему здорово доставалось. Однако не было случая, чтобы он первым покинул поле сражения или заплакал.

Когда сын спрашивал об отце, мать мрачнела, а иногда утирала слезу. Ответ был один: отец, мол, твой умер.

Пришла зима, и не стало пыли. Вместо нее на обочинах дороги чавкала темная жидкая глина. У Мухаммада не было теплой одежды и обуви. Большую часть времени он проводил на старой кошме, под одеялом, наблюдая за колеблющимся огоньком светильника или вырезая из кусочков дерева незамысловатые игрушки.

А потом наступила весна. Стало тепло, и



Мухаммад снова пропадал целыми днями на улице.

Весна действовала на всех. Повеселела и мать Мухаммада. Иногда он замечал у нее на лице странную задумчивую улыбку.

Как-то раз мать пришла с высоким худым мужчиной. Одна нога у него была тоньше и короче другой и он тяжело опирался на палку.

— Вот он, мой Мухаммад,— сказала мать.

Незнакомец пристально рассматривал мальчика. Потом на лице его мелькнула улыбка.

— А учиться ты хочешь, Мухаммад? Будешь учиться?

— Буду,— недоверчиво глянув на чужака, ответил мальчик и убежал со двора.

Рахматали — или, как все называли его, Рахмат-муаллим — был учителем. За небольшую плату обучал он детей бедняков чтению, письму и счету. Платили кто чем мог: нег денег — несли муку, ячмень или сушеный виноград. Учитель был рад и этому. Раз в год родители учеников, собрав деньги, покупали ему что-нибудь из одежды и пару сапог.

Летом занятия проходили в тени большого карагача. Зимой — на айване маленькой квартальной мечети.

Рахмат-муаллим поселился в доме Мухаммада. Мать уступила ему комнату, что побольше, и по вечерам Мухаммад засыпал под гулкий, мучительный кашель постояльца.

За жилье муаллим не платил — деньги у него водились редко, он отдавал матери Му-

хаммада муку и другие припасы, которые приносили ему родители учеников. Теперь Мухаммад ел вволю. За несколько месяцев он потолстел и подрос.

Каждое утро они с муаллимом отправлялись на занятия, а мать, вздыхая, смотрела им вслед.

— Может быть, и мой Мухаммад будет муаллимом,— мечтала она,— работа легкая и заработок хороший. А то вдруг станет он важным господином и купит богатый дом и большой сад, как у Абд ал-Мутталиба, писаря шахского дивана.

Учеба увлекла Мухаммада, словно интересная игра. Он быстро запомнил буквы и без особого труда выучился читать и писать.

— Вот глядите-ка,— увлеченно рассказывал он матери, рисуя прутиком в пыли,— видите зубец? Если внизу точка — это «ба», а вверху точка — тогда «нун». Две точки внизу поставите и будет «ййяй». Только это в середине слова, а в конце совсем по-другому! — И Мухаммад быстро написал конечный «нун», «ба» и «ййяй».

Рахмат-муаллим с удивлением приглядывался к мальчику: жажда знаний в нем была ненасытная, а прилежания и упорства — хоть отбавляй!

Вместе они ходили за город выбирать тростник для изготовления каламов. Муаллим показывал Мухаммаду, как нужно затачивать и расщеплять острый кончик тростинки, чтобы получился хороший калам.

Бумага была дорогая, и ученики обычно

писали на обломках глиняной посуды. Собравшись по несколько человек, они уходили подальше от городских ворот в те места, куда выбрасывали мусор из богатых домов шахристана. Там было много битой посуды. Разноцветные, покрытые глазурью обломки блюд ребята откладывали в сторону: на них чернила расплываются, да и плохо видно написанное... Самыми лучшими для письма были кусочки кувшинов или хумов, покрытые гладким желтоватым и зеленовато-белым ангобом\*. Искали обломки покрупнее да поровнее. Набрал впрок, их списывали буквами, слогами или словами.

Дома у Мухаммада был целый склад черепков, на которых он старательно выполнял полученные от муаллима задания.

— У мальчишки светлая голова,— глухо покашливая, говорил Рахматали его матери.— Вот увидишь: станет он когда-нибудь большим ученым. И это будет награда от аллаха за теперешние испытания.

Окончив занятия в мактабе, Рахматали и Мухаммад вместе возвращались домой. Пообедав и отдохнув, они шли в садик, и там муаллим продолжал урок. Учитель привязался к любознательному мальчишке. И поэтому их послеобеденные занятия приносили радость обоим.

«Если бы все ученики были, как Мухаммад», — думал муаллим, с раздражением вспо-

---

\* Ангоб — жидкий раствор цветной глины, которым покрывали сосуды перед обжигом.

миная сына мясника и других лоботрясов, которые на занятия ходили, будто отбывая повинность, и за пять лет преуспели меньше, чем Мухаммад за три года.

В мактабе Рахматали обучал чтению и письму. Только самым старшим ученикам давал он начатки знаний арабского языка.

Мухаммад был одним из самых младших по возрасту, но учился уже вместе со старшими учениками. Он делал большие успехи в арабском языке, и муаллим решил заниматься с ним еще и дома. Рахматали поражало, как быстро усваивал Мухаммад сущность самых сложных правил и как легко он запоминал новые слова и предложения.

Приходила мать, приносила айран или сладости. Она с тревогой посматривала на Мухаммада и щупала ему лоб: не заболел бы мальчик от чрезмерных занятий! Однако Мухаммад не обращал внимания ни на айран, ни на сладости и продолжал сосредоточенно скрипеть каламом по обломкам кувшинов. Закончив задание, он протянул исписанный четким, красивым почерком тонкий обломок.

— Посмотрите, муаллим, правильно ли?

— Молодец, сынок! — вырвалось у Рахматали. Смутьившись, он умолк.

Мать с благодарностью посмотрела на учителя. «Да пошлет аллах здоровья этому доброму человеку, — подумала она, — ведь он воспитывает Мухаммада словно родного сына».

Шли дни и месяцы занятий. Помимо

школьных наук они стали изучать начала философии, но ни одного дня не проходило без занятий арабским языком.

Глаголы правильные и неправильные, подобные правильным, вдвойне и — велик аллах! — втройне неправильные. До чего же он труден — этот язык науки и поэзии. Но день ото дня все увереннее пробирался Мухаммад сквозь дебри арабской грамматики.

Муаллим по праву гордился учеником: ведь в знании арабского языка Мухаммад мог поспорить с любым юнцом из медресе. Он уже свободно читал трудные арабские рукописи, а многие суры из корана помнил наизусть. И как это все только укладывалось в его ребячьей голове!

Радовали Рахматали и успехи его ученика в науке о числах. Никто из мактаба не мог сравниться с ним в быстроте и точности решения задач. Лучшему ученику мактаба шел всего двенадцатый год, но это не смущало его, когда, собрав вокруг себя шестнадцатилетних парней, он растолковывал им ход решения задачи. И они глядели на него с уважением, ловя каждое слово.

Прошел еще год, и муаллим решил, что Мухаммаду в мактабе больше делать нечего. Ему обязательно нужно продолжать учение в медресе.

Надев лучшие одежды, Рахматали заковылял в богатый шахристан, где находилось медресе, основанное отцом правителя. Добравшись туда, он робко попросил разрешения поговорить с мударрисом. Когда-то они учи-

лись вместе, и Рахматали надеялся, что Сахль ибн Мансур еще его не забыл.

Отец Сахля, богатый купец, не жалел денег на образование сына. Проучившись несколько лет в Хорезме, он уехал в Самарканд, ибо, как сказал арабский путешественник Ибн Хаукаль: «Самарканд — это средоточие утонченных людей Мавераннахра и лучшие из них получили воспитание в Самарканде». Свое образование Сахль завершил в Багдаде, откуда приехал уважаемым ученым, знатоком арабского языка и поэзии, фикха\* и философии.

Вернувшись в Кят, он занял место мударриса в этом самом медресе, где делал первые шаги на пути познания благородных наук. Вот уже тридцать лет, как Сахль ибн Мансур стоит во главе этого почтенного учебного заведения.

Получив доступ к уважаемому мударрису, муаллим изложил суть своей просьбы.

— Но ведь, как ты сам говоришь, он еще мал! — попытался возразить мударрис.

— Пусть уважаемый Сахль ибн Мансур сначала выслушает мальчика, а потом примет решение,— настаивал Рахмат-муаллим.— Это у вас много времени не отнимет. А мальчик удостоен благодати всевышнего. Такого я еще не встречал. Он уже сейчас знает все, что известно мне самому. И жаждет новых знаний. Ведь если в светильник вовремя не подлить масла, он угаснет. В твоих силах, о Сахль, под-

---

\* Ф и к х — мусульманское право.

держат этот огонек, который, может быть, станет светочем на путях познания.

...От волнения муаллим закашлялся, и когда отнял платок от губ, на нем была кровь. «Бедняга Рахматали,— подумал Сахль,— как безжалостно обошлось с ним время!»

Мударрис задумался. Наступила тишина.

— Хорошо, Рахматали,— сказал Сахль,— приведи завтра мальчика.

Рано утром муаллим и Мухаммад были у ворот медресе. Привратник впустил их и провёл в угловую дарсхану, где на возвышении, окруженный учениками, сидел высокий чернобровый мужчина в белой чалме и черном халате.

— Так значит, ты и есть лучший ученик из мактаба Рахматали? — спросил он. — Как тебя зовут?

— О господин, мое имя Мухаммад.

— Ты, говорят, коран наизусть знаешь? А ну-ка скажи нам девятый стих семьдесят шестой суры.

— «Поистине мы питаем вас ради Аллаха, мы не желаем от вас ни мзды, ни благодарности», — выпалил Мухаммад.

— Так, хорошо... А первый стих восьмой суры?

Мударрис открыл коран.

— «Они спросят тебя о добыче, скажи: добыча в распоряжении бога и его посланника», — прозвучал ответ.

— А сорок второй стих?

— «Знайте, что из всего, что ни берете вы в добычу, пятая часть богу, посланнику и

родственникам его, сиротам, бедным, путешественникам».

Со всех сторон сыпались вопросы, Мухаммад быстро отвечал.

— Хорошо, хорошо. Молодец,— мударрис захлопнул коран.— А что знаешь из арабских стихов?

Мухаммад, не задумываясь, прочитал:

Встань, о газель, и взгляни! Цветники свое чудо явили,  
Их прекрасные лица закутаны были, весна сорвала  
покрывала.  
Здесь розы, как щеки, нарциссы — глаза, что глядят  
на любимых,  
И анемоны красного шелка плащи черным узором  
покрыли!

Мударрис, закрыв глаза, плавно раскачивался, наслаждаясь изысканностью сравнений и благородным звучанием слов великого ас-Санаубари.

— У тебя, оказывается, хороший вкус. А кто сложил эти стихи?

— Ахмад ибн Мухаммад ас-Санаубари из Халеба.

— Продолжай.

— Нарциссы в саду,  
Когда ветер их низко склоняет,  
Словно чаши из яхонтов,  
И пальцы из влажного жемчуга  
Эти чаши тебе предлагают.

— Абу Наваса знаешь?

— Вино — осколок яхонта, а чаша — жемчуг  
В руке жемчужины со стройным станом.



— Ну что ж, коран и поэзию ты знаешь не хуже моих учеников. А можешь ли красиво писать?

Мударрис протянул ему листок.

Мухаммад присел за низкий столик и любовно разгладил листок. До сих пор ему лишь несколько раз довелось писать на настоящей бумаге. Мальчику придвинули калам и чернильницу. Осмотрев острие — не попали бы туда волосок или соринка — Мухаммад погрузил его в чернильницу. Медленно разворачивается извилистая нить арабских букв. Ученики медресе с одобрением переглядываются.

— А знаешь ли, о Мухаммад, чему подобны буквы? — спрашивает один из них.

— «Алиф» напоминает стройный стан красавицы, а «даль» — согнутого странника. «Лам» — локон, а «вув» — брови и глаза возлюбленной.

Мударрис, отставив руку с листком бумаги и прищулив глаза, разглядывает написанное. Ему, видно, нравится почерк Мухаммада.

— Ну, а теперь перейдем к науке о числах. Нужно тебе помножить десять и два на десять без единицы. Как ты это сделаешь?

— Тогда я множу десять на десять и это сто. Вычитаемая единица на десять — это вычитаемые десять, а прибавляемые два на десять — это прибавляемые двадцать и всего вместе будет сто десять. Прибавляемые два на вычитаемую единицу — это вычитаемые два. Всего получаем сто восемь.

Рахмат-муаллим с гордостью поглядывает на своего ученика.

— Тебе надо получить прямой угол. Как поступишь?

— Я возьму веревку и сначала отмерю три локтя, потом четыре и потом пять. Если сделать из этой веревки треугольник, то угол между сторонами в три и четыре локтя будет прямой.

— Ну, а что такое нисба, ты знаешь?

— Это прозвище по месту рождения.

— Так.. Значит, твоя нисба какая будет? Ты сам откуда родом?

— Я из бируна. Значит, я Беруни?

Ученики медресе захихикали: ведь бирун, то есть пригород, есть в любом городе!

Мударрис грозно повел бровями.

— Хорошо, Мухаммад, пусть будет твоей нисбой «Беруни». Хорошая нисба. Только запомни: не нисба человека украшает, а он ее. Запомни это хорошенько.

— Слушаюсь, господин.

— Ну ладно,— решил мударрис,— я позволю тебе посещать медресе.

Выйдя на улицу, муаллим поцеловал своего воспитанника в лоб: «Молодец, сынок, не подвел учителя!».

Взволнованные и радостные, они пошли на базар переплетчиков. Муаллим давно обещал купить Мухаммаду книгу, где все было бы изложено про науку о числах.

Сквозь толпу они пробрались к лавке торговца книгами. Муаллим объяснил, что они ищут.

Купец нагнулся и достал книгу в красивом кожаном переплете.

— А сколько стоит? — спросил муаллим.

— Дешево отдам, всего лишь за один динар.

— Да разве же это дешево? За динар целую овцу купить можно. Вы нам поищите что-нибудь подешевле...

Презрительно скривив губы, купец пошел в глубь лавки и нырнул головой в сундук. Он долго копался в нем, пока не расчихался от пыли.

— А-а-чи! Вот то, что вам надо, — выговорил наконец хозяин, протягивая им затрепанную рукопись.

— «Краткая книга об исчислении алгебры и ал-мукабала», — прочел вслух муаллим. — Да, это хорошая книга... Сколько вы за нее хотите?

— Ладно уж... Сбавлю на вашу бедность, — заметил купец, — берите за пять дирхемов.

Достав из пояса узелок, муаллим отсчитал деньги и протянул книгу своему питомцу.

— Спасибо, муаллим! — воскликнул Мухаммад. Он знал, что и пять дирхемов — большие деньги. Чтобы заработать один дирхем, их сосед, хороший плотник, трудится целый день с утра до вечера. Но если речь идет о науке исчисления, разве будешь думать, что книга дорого стоит!

Счастливый Мухаммад шел рядом с учителем, крепко прижав к груди подарок.

Дома мать приготовила им роскошный

обед: мясную похлебку со свежими ячменными лепешками, а когда Мухаммад ушел в садик читать новую книгу, она, утирая слезы и счастливо улыбаясь, слушала рассказ муаллима о том, как успешно ответил ее сын на все вопросы мударриса.

\* \* \*

Утром следующего дня Мухаммад собирался на занятия в медресе. Муаллим протянул ему несколько листов бумаги.

— Возьми.

— Спасибо, учитель.

Привязав чернильницу, засунув за пояс каламдон и бумагу, Мухаммад направился к шахристану. Путь был не ближний, и он очень боялся опоздать.

Оказалось, что пришел он задолго до начала занятий. Во дворе толпились ученики.

— Смотри-ка, да это вчерашний! — проговорил один из них. — Салам, Мухаммад, ты кого слушать пойдешь? Идем с нами, к почтеннейшему Сахлю ибн Мансуру!

— Хорошо, — застенчиво ответил Мухаммад, — только я хотел науку о числах изучать.

— Успеешь. Эти занятия все равно после обеда начнутся, так что идем с нами. Пошли!

По двору медресе важно прошествовал Сахль ибн Мансур. Ученики почтительно склонились.

В просторной дарсхане, возвышаясь надо всеми, сидел Сахль ибн Мансур. Немного поодадь — мустамли, помощник наставника, обязанный следить за тишиной и порядком.

На камышовых циновках, поджав под себя ноги, расселись ученики. Перед каждым из них чернильница и каламдон. У всех — по несколько листов бумаги.

— Хвала аллаху и его посланнику и про рокам его, — произнес мударрис и начал молитву о благоденствии шаха славного города Кята и учеников медресе. Кончив молитву, он провел руками по лицу. Мустамли и ученики сделали то же самое.

Начались занятия. Мударрис вкратце повторил изложенное им на предыдущем занятии и спросил, есть ли вопросы.

— О учитель, если человек выроет колодец на ничьей земле, то как поступить с этой землей?

Посмотрев в свои записи, мударрис нараспев промолвил:

— Сообщил Исмаил со слов ал-Хасана со слов Иахий, слышавшего от Абу Хурайра: сказал посланник аллаха — да благословит его аллах и да приветствует — что тот, кто выроет колодец, приобретает тем самым площадь в границах сорок зира\* с каждой стороны.

Прилежно заскрипели каламы.

Продолжаются занятия. Звучат вопросы и ответы, шелестит бумага. Незаметно время по дошло к обеду.

— Куму! — говорит мударрис по-арабски.

— Встаньте! — переводит на хорезмийский мустамли.

---

\* Зира — 54 см.

Снова молитва — и ученики шумной гурьбой вываливают во двор. После темной дарсханы солнце слепит глаза.

Усевшись в тени айвана, Мухаммад разворачивает платок, достает пол-лепешки и горсть сушеного винограда. Покончив с едой, он оглянулся: где бы выпить?

В дальнем углу двора находилась каменная четырехугольная чаша — сакоя. Тоненькой струйкой стекала в нее прозрачная вода. Мухаммад подошел. На краю чаши стояла глиняная кружка с выщербленными краями. Напившись, он стал разглядывать сакою. По краю чаши шла надпись: «Передана сия чаша в дар медресе от Абу Насра Мансура ибн Али ал-Ираки. Да будет милость всевышнего ему и родителям его и всем правоверным».

— Ираки, — подумал Мухаммад, — наверное, из Ирака он, этот Мансур ибн Али?

Подошло несколько учеников. Дожидаясь, пока кружка освободится, один из них сказал, что этот самый Абу Наср ал-Ираки — ярчайшая звезда на небосклоне науки и что ему нет равных в искусстве исчисления.

— Вот бы к нему попасть! — вырвалось у Мухаммада.

— Что ты! Ал-Ираки большой вельможа, его дед был хорезмшахом. Разве станет он каждый день ходить в медресе как простой мударрис! Его место — во дворце.

Мухаммад вернулся в тень айвана и стал ждать, когда начнутся занятия по исчислению.

Вот по двору, торопливо шлепая туфля-

ми, прошагал худой седобородый хорезмиец. Левой рукой он прижимал к груди несколько книжек в потертых кожаных переплетах.

— Гатфар-хаким! Гатфар-хаким пришел,— прошелестело среди учеников.

Гатфар-хаким обучал исчислению. Он был знатоком своего дела, но обладал вспыльчивым нравом. Больше всех от него терпели лентяи и тугодумы. Испытанным оружием Гатфар-хакима была его кожаная, набитая верблюжьей шерстью подушка, которую он метал без промаха. Случалось, что вслед за подушкой летели его туфли или чернильница. Однако Гатфар-хаким был отходчив, и на него не обижались.

Войдя в помещение, ученики расположились вокруг нескольких досок, засыпанных тонким слоем мелкого песка.

Гатфар-хаким начал свои занятия с повторения свода умножений для однозначных чисел. Спрашивал он вразбивку, не давая ученикам времени на размышление.

— Если даже тебя разбудят ночью, ты должен, не раздумывая, ответить,— назидательно заметил Гатфар-хаким одному из учеников после того, как ловко метнул в него подушку.

Когда очередь дошла до Мухаммада, учитель уже израсходовал все свои снаряды. Впрочем, они не понадобились: новый ученик без запинки отвечал на вопросы. Затем последовали задачи на умножение многозначных чисел по индийскому счету.

— При умножении двух чисел напиши их

одно под другим, а затем начинай от крайнего верхнего разряда и умножай его на крайний разряд нижнего числа. Полученное напишешь. После этого так же сделаешь в следующем разряде. Полученное напишешь, передвинув вправо на один разряд,— наставлял учеников Гатфар.

Задав каждому пример на умножение, он важно расхаживал по дарсхане, а ученики писали. Если кто ошибался, то разравнивал пекос ладонью и начинал все сначала.

Мухаммад быстро справился с задачами. Подошел хаким, посмотрел и одобрительно мхыкнул.

Затем последовали задачи на деление. Покончив с целыми числами, принялись за дроби. Умножение, деление... Гатфар снова пустил в ход свою подушку.

— Ну-ка, новенький,— неожиданно обратился учитель к Мухаммаду,— покажи этому бездельнику, где его ошибка!

Мухаммад показал.

— Так, хорошо, ступай на место.

В конце занятий Гатфар-хаким повел речь о корнях и квадратах.

— Корень — это всякая вещь, умножаемая на себя, а квадрат — это то, что получается из корня при его умножении на себя,— сказал он.— Вопросы есть?

— Нет! — хором ответили ученики: они устали и с нетерпением ждали конца занятий.

— Ладно, завтра проверим,— многозначительно пообещал Гатфар-хаким.

Мухаммад шел домой через весь город. В



глазах у него мелькали числа на доске с песком. Конечно, на занятиях Сахля ибн Мансура он узнал много нового, но самым интересным было время, проведенное в дарсхане свирепого Гатфара.

Постепенно мальчик из предместья стал лучшим учеником Гатфар-хакима. Старик стал давать ему читать свои книги. Так познакомился Мухаммад с трудами своего великого соотечественника — Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми и с работами Ахмада ал-Марвази, по прозвищу ал-Хабаш ал-Хасиб. Гатфар строго и придирчиво проверял, все ли из прочитанного усвоил и понял его лучший ученик.

Когда все книги Гатфара были перечитаны, он посоветовал своему ученику обратиться в мечеть ал-Музаффарийа, где было крупнейшее в городе книгохранилище.

В один из солнечных дней Гатфар-хаким повел робящего Мухаммада в мечеть ал-Музаффарийа. Еще издали разглядел мальчик высокий и стройный минарет мечети, облицованный жженым кирпичом. Кирпич был уложен так, что образовывал сложный геометрический узор, а на самом верху минарета из кирпичиков была выложена надпись: «Воздвиг сей побеждающий время и стихии минарет ал-Амир ал-Музаффар\*...— дальше кирпичики выкрошились —... в году один и десять и двести\*\*».

---

\* а л - М у з а ф ф а р — победитель.

\*\* 211 год хиджры равен 827 году нашего исчисления.

Гатфар и Мухаммад остановились возле резной калитки. Хаким взялся за тяжелое бронзовое кольцо и постучал. Послышались шаги, загремела цепь. В проем выглянул старичок с тонкой золотой серьгой в ухе.

— А-а, да это Гатфар, ну заходи-заходи,— прошамкал он.— А это кто с тобой?

— Это мой лучший ученик. Я ведь рассказывал.

— Ну, если лучший, тогда тоже заходи. Заходи, не бойся.

Гатфар-хаким и Мухаммад очутились на пустынном, залитом солнцем дворе мечети... В середине его был небольшой хауз, вокруг него — кусты красных роз. По краям двора шел айван, крыша которого держалась на высоких деревянных колоннах, украшенных богатой резьбой.

— Что же вас привело ко мне, ученые мужи? — спросил старичок и подмигнул Мухаммаду.— Книги, наверное? Ну, конечно же, книги! Однако этот отрок еще слишком молод и, видать, небогат. А мы книги без залога не выдаем.

— А каков залог? — робко спросил мальчик.

— Какова цена книги — таков и залог. Есть в один динар, а есть — и в сто.

Мухаммад поник головой. Слезы выступили у него на глазах.

— Господин! Я буду делать для вас любую работу. Вы только прикажите. Но позвольте, о господин, читать ваши книги!

Старики переглянулись.

— Ладно, подумаем. Завтра приходи за ответом.

На следующий день, после занятий, Мухаммад побежал в мечеть ал-Музаффарийа. С волнением взялся он за бронзовое кольцо. Стучал долго. Наконец послышались шаги.

— Заходи, сынок,— сказал вчерашний старик.— Я ведь, знаешь, всего лишь хранитель книг. Есть и поважней меня. Так вот, я за тебя просил. Говорят, что если ты согласен каждый день поливать и подметать двор мечети, то можешь читать книги сколько угодно.

— Спасибо, господин! Да я хоть сейчас, только метлу и ведро дайте.

— Зови меня Абу Заххак. А работать начнешь завтра. Приходи на рассвете. Теперь пойдем, я покажу тебе книги.

Книгохранилище занимало целый ряд помещений, выходящих на восточный айван мечети. Поискав в связке нужный ключ, Абу Заххак отпер ближайшую дверь.

— Заходи. Здесь книги по арабскому языку и поэзии. Вот Абу Нувас, а здесь Ибн ал-Муттаз и Санаубари, вот Ибн ал-Хаджадж.

Широко раскрытыми глазами оглядывал Мухаммад заветную комнату. Вдоль стен стояли деревянные сундуки, в которых бережно были уложены книги. Лежали они и в глубоких стенных нишах. Книги, книги, книги... Мухаммад и не подозревал, что в одном месте можно собрать столько книг.

Абу Заххак заметил восторг мальчика.

— Это еще не все,— важно сказал он.— Здесь только десятая часть. Однако взгляни

сюда, видишь — это Абу-л-Аттахия, певец неразделенной любви.

Старик бережно взял небольшую книжицу в темно-зеленом переплете с тиснением.

— Послушай-ка:

Друзья мои! Страдаю я,  
Вам эта боль чужда;  
Чужим страданьем не страдал  
Никто и никогда.\*

— И вот еще:

Кто страдает как я — тот недолго живет,  
А умру — ты словами меня помани:  
«Погубила любовь его юные дни —  
Пусть аллах ему милость пошлет!»\*

Помолчав, старик осторожно закрыл книгу и положил ее на место.

— Знай, молодой друг, — торжественно проговорил Абу Заххак, — книга — это сокровищница мысли и чувств! Только эти сокровища имеют непреходящую ценность. Только ими подобает гордиться человеку праведной жизни.

В соседней комнате были сочинения по истории и географии. Внимание Мухаммада привлекла толстая книга в красном сафьяновом переплете с серебряными застежками. Мухаммад раскрыл ее и ахнул: на большом листе художник изобразил два войска, схватившихся в жестоком бою. Летят стрелы, скачут всадники, поражающие врагов мечами и копьями. Под копытами лошадей лежат поверженные

---

\* Перевод И. Ю. Крачковского.

во прах бойцы. Внизу маленькая подпись: «Работа усто Мансура ал-Исфагани».

— Это, — с гордостью сказал Абу Захак, — «История царей и пророков», написанная знаменитым Абу Джафаром Мухаммадом ибн Джариром ат-Табари. Он довел свое повествование до триста второго года и умер в триста десятом, когда ему шел восемьдесят четвертый год.\* Рукопись переписана еще при жизни великого Табари, и цена ей сто динаров.

— А где у вас книги по науке исчисления? — спросил Мухаммад, закрыв сочинение Табари и бережно положив его на место.

— Ну что ж, пойдем, — ответил старик.

Комната эта была поменьше да и книг там было не слишком много.

Забыв обо всем, Мухаммад листал и рассматривал книги. Вот «Китаб ал-Маджисти» Батлабийуса, знаменитый «Альмагест» Птолемея, переведенный с греческого на арабский учеными из «Дома мудрости» в Багдаде. А вот «Книга о том, что необходимо знать ремесленнику из геометрических построений» Абу-л-Вафо Мухаммада ал-Бузджани. Книга была переплетена вместе с таблицей синусов и тангенсов, составленной этим же ученым.

— Можно вот эту? — спросил Мухаммад.

— Садись и читай, а когда кончишь, позовешь меня и отдашь книгу.

Мухаммад читал на айване до тех пор, по-

---

\* 302 год хиджры равен 915 г., 310 год — 923 году нашего исчисления.

ка не стемнело. Закрыв книгу, он несколько раз громко позвал: «О Абу Заххак!» На пустынном дворе послышалось шлепание туфель. Взяв книгу, старик выпустил мальчика из мечети.

Теперь Мухаммад вставал затемно и через весь город спешил в мечеть: надо успеть до утренней молитвы. Он брал старое бронзовое ведро с сыромятным ремешком вместо ручки и поливал, а затем подметал вымощенный камнем двор. Потом бежал в медресе. Из медресе он возвращался в мечеть и чигал до темна, делая выписки или чертежи.

От недосыпания и непрерывного чтения у Мухаммада разболелись глаза. Он похудел и осунулся. Мать и муаллим тревожились за здоровье мальчика, но Мухаммад продолжал упорно заниматься.

Теперь он в некоторых вопросах разбирался лучше Гатфар-хакима, однако ему и этого было мало: он перечитал почти все книги по науке исчисления в книгохранилище мечети ал-Музаффарийа и стал подумывать о другом книжном собрании. Несколько раз у него возникла мысль, что ему может помочь ал-Ираки. Но как до него доберешься?

Однажды вечером, вернувшись из мечети, Мухаммад застал мать в слезах и смятении. Муаллиму стало плохо и у него пошла горлом кровь. Всю ночь мать и сын не отходили от муаллима, а рано утром Мухаммад побежал к Сахлю ибн Мансуру.

Мударрис пошел вместе с ним к врачу. Врач сел на коня, и Мухаммад, держась за

стремя, побежал рядом с ним к себе в бирун.

Осмотрев муаллима, врач покачал головой и сказал: «Слишком поздно». Достав из сапога кошелек, он высыпал горсточку серебряных и медных денег себе на ладонь и протянул их матери. Затем, попрощавшись, уехал.

Возле домика Мухаммада толпился народ: оказалось, что у муаллима много друзей. Беднота из бируна любила и уважала Рахматмуаллима. Стоило Мухаммаду или его матери выйти из дома, как раздавались вопросы о здоровье учителя.

Под вечер муаллим пришел в себя и, подзвав Мухаммада, прошептал:

— Сынок, никогда не сворачивай с пути, который выбрал, будь честен и добр к людям, живи так, чтобы не раскаиваться потом в содеянном... Прощай, сынок...

— Муаллим! — закричал Мухаммад. — О муаллим!

Заплакала мать. На улице послышались крики и стенания. Люди искренне оплакивали Рахматали, связавшего свою судьбу с ними, бедняками из предместья, делившегося с их детьми знаниями, а часто и куском хлеба.

На похороны учителя собралась вся махалля. Каждый старался хотя бы несколько шагов пронести носилки с телом муаллима.

Когда все обряды были окончены, Мухаммад вернулся в свой опустевший домик.

Умирая, муаллим завещал им все свое небогатое имущество. В его комнате лежало несколько книг, бронзовый каламдон с черниль-

ницей, стопка бумаги, одеяла, скудная одежда.

Мухаммад открыл каламдон и увидел маленький бумажный сверток. «Мухаммаду на книги», — прочел мальчик. В свертке оказались три динара. Мухаммад протянул их матери.

**32**

— Нет, не возьму. Это тебе. Так хотел мумаллим, — сказала она сквозь слезы.

За два динара Мухаммад купил книги Абу Насра Мансура ал-Ираки «Об определении дуг сферы» и «Об изготовлении астролябии».

\* \* \*

С третьим динаром Беруни не расставался до конца жизни и хранил его как память о первом учителе, открывшем ему дорогу в чудесный мир познаний.



# **Дионисий**

**„В нашей стране поселился  
один румиец, и я к нему  
приходил с семенами плодов,  
растениями и другими  
предметами и спрашивал я об  
их названии на его языке,  
и записывал я их“.**

**Абу Райхан ал-Беруни**



---

  
**В**

етер дует с утра то затихая, то усиливаясь. Вздывает пыль, швыряет сухие листья и мелкий мусор. Ветер шумит, шумит в деревьях...

Двое медленно бредут по дороге. Тяжелый, неудобный груз давит к земле,

— О аллах! — женщина со стоном уронила вязанку дров, в изнеможении опустилась на землю. Мальчик лет четырнадцати сел подле нее и, болезненно морщась, подул на плечо, растертое жесткой волосяной веревкой.

Нужда вплотную подступила к домику на окраине древней столицы Хорезма. Занятия в медресе Мухаммаду пришлось бросить. Чтобы заработать на хлеб, мать и сын уходили далеко за город, в густые заросли Джейхуна и, собрав дрова, продавали их богатым горожанам.

Лишь изредка, урвав время, ходил Мухаммад в книгохранилище при мечети ал-Музаффарийа.

Как-то раз навестил их Гатфар-хаким. Старик собирался отругать своего лучшего ученика за нерадивость, но, увидев нужду и голод, оставил денег и обещал подыскать для мальчика работу.

Через несколько дней Гатфар-хаким пришел за Мухаммадом, и они пошли в богатый

шахристан, отгородившийся от бедных предместий высокой крепостной стеной.

Возле ворот задержались: навстречу им величаво выступали верблюды большого купеческого каравана. Позвякивая оружием и снаряжением, привычно покачивались в седлах воины охраны. Их загорелые, дубленные песком и солнцем пустыни лица суровы и непроницаемы.

Гатфар нетерпеливо потянул спутника за рукав:

— Будет на караван смотреть. Пошли!

Они идут через шумный богатый город. Мимо кварталов ремесленников с их грохотом, дымом и запахами. Мимо дворцов и мечетей. Проталкиваются сквозь шумную разногласицу базаров. А надо всем этим высятся крутые башни и стены шахского замка. Рвы перед ними заполнены водой, в которой отражаются небо и вершины башен.

Рядом с замком — соборная мечеть. Со всех сторон ее облепили лавки торговцев и ремесленников, крытые камышовыми циновками и полосатыми тканными навесами.

Тут же ютятся харчевни, пропахшие запахами лука, мяса, уксуса и свежей рыбы. Пронзительно кричат мальчишки-водоносы. Орут ослы. Отрывисто ворчат верблюды.

Шумит и бурлит благословенный Кят. Вот и невольничий рынок с загонами для рабов, а дальше — «базар драгоценностей». Гатфар-хаким свернул в узкую, вымощенную камнем улочку. Ползет она между глухими заборами да стенами домов.

Верхние помещения порой нависают над улицей. Здесь лучше не задерживаться: неизвестно чем обдадут тебя неосмотрительные хозяева.

Улица уперлась в высокие деревянные ворота с двумя глинобитными башенками по углам. Со двора доносится запах и шипение кунжутного масла, в котором жарятся лук и мясо.

Гатфар-хаким громко стучит кольцом по шершавой теплой доске. Гремит цепь, и калитка приоткрывается.

— Ассалом, Гатфар-хаким, заходите, хозяин дома.

— Здравствуй, Таш, хорошо ли поживаешь?

— Не жалуюсь. А вас позвольте спросить?

— Да по-прежнему.

Гатфар и Мухаммад направляются к дехлизу\*.

— Хаким! Хозяин ждет в саду.

Втроем идут в сад. В дальнем углу — деревянный помост с легким тканым навесом. На помосте ковры, цветные покрывала. Рядом на дереве покачиваются под ветром клетки с перепелами.

На помосте, облокотившись о подушки, полулежит человек в домашней одежде. Увидев Гатфар-хакима, он встал, сунул ноги в туфли и пошел навстречу. Гость и хозяин обнялись. Затем хозяин поздоровался с Мухаммадом.

Рузбех сын Кавада был богатым потомст-

---

\* Дехлиз — крытая галерея, сени, прихожая.

венным купцом, а кроме того ценителем и собирателем книг. Недавно он приобрел несколько редких рукописей, но бумага их отсырела и заплесневела, края страниц изгрызли мыши. Нужно было заново переписать эти книги. Услышав от Гатфара о бедственном положении его лучшего ученика, Рузбех решил дать юноше заработок.

Сняв обувь, гости и хозяин взобрались на помост. Слуга принес сладости, лепешки и шербет. После угощения перешли к делу. Купец велел принести рукописи, каламдон и бумагу с чернильницей.

— Ну-ка, сынок, покажи, на что способен, — сказал Рузбех Мухаммаду. — Пиши!

Медленно, нараспев, купец начал читать стихи на арабском языке.

Кончилось стихотворение. Мухаммад отложил калам, присыпал листок бумаги песком. Когда чернила высохли, он протянул бумагу Рузбеху.

— А? — повернулся купец к Гатфару. — Ничего, даже хорошо. А?

Гатфар-хаким молча кивнул головой.

— Ну что ж... Как тебя звать?

— Мухаммад, о господин.

— Так вот, Мухаммад, я нашел тебе работу. Это легче, чем дрова таскать, а заработок — больше. Будешь для меня рукописи переписывать. Согласен?

— Прикажете!

— Ну ладно, вот тебе задаток, а вот — бумага. Начнешь с этой рукописи. Встречалась тебе такая?

— «Калила и Димна»,— прочел Мухаммад и ответил:— Нет, господин, не встречалась.

— О!— воодушевился Рузбех.— Это замечательная книга назиданий. Много веков назад ее написали индийские мудрецы по приказу своего царя. Царь велел спрятать эту сокровищницу мысли в высокую башню и надежно ее охранять. А было это еще во времена неверия, и правил в Иране могущественный Хосров Ануширван. И услышал он об этой книге, и захотелось ему познать ее мудрость, и лишился он покоя, и приказал достать ее любым путем. Был в то время в Иране один юноша по имени Бурзое, который превзошел всех в искусстве врачевания, и ведом ему был язык индийский. Его и послал Хосров в Индию.

Придя в тот город, где хранилась книга, Бурзое подошел к одному дому, из которого слышались стенания, и вошел туда, и увидел больного и вылечил его. А тот человек охранял башню и пускал он Бурзое туда по ночам, пока не переписал Бурзое эту книгу. Вернувшись в Иран, перевел он ее на свой язык, и было ему много почета от Хосрова.

А на арабский язык ее перевел Рузбех ибн Дадое. Он был из магов и знал древний язык. А называли его Ибн ал-Мукаффа, то есть «Сын калеки», за то, что арабы изувечили его отца. Был Ибн ал-Мукаффа великим ученым и по-арабски писал лучше самих арабов. Они завидовали ему и обвинили в том, что хотя он и принял ислам, но продолжает молиться как безбожник. Тогда ему отрубили руки и сожг-

ли их в печи у него на глазах. А потом самого бросили в печь. И не стало великого ученого. Но книга его живет и будет жить, пока будут на земле люди знания.

Как зачарованный, слушал Мухаммад рассказ Рузбеха сына Кавада.

— Господин, а вы знаете древний язык? — спросил он.— Научите меня, я вам бесплатно перепишу все рукописи.

Купец с изумлением воззрился на своего гостя: ведь по рассказам Гатфара этот юноша вместе со своей матерью чуть ли не умирает с голода. Но готов отказаться от заработка, лишь бы изучить древний язык!

Мухаммад с нетерпением ждал ответа.

— Нет, мой мальчик,— сказал купец,— я уже не знаю этого языка. Мой дед был последним из нашего славного рода, кто помнил древний язык.

С сожалением покидал Мухаммад дом такого интересного хозяина.

Вернувшись домой, он отдал матери заказ. Мать очень обрадовалась и призывала благословления на голову Гатфар-хакима: ведь этих денег им хватит на несколько недель!

Устроившись в садике под сенью старой урючины, Мухаммад приступил было к работе, но не удержался и прочел сначала всю рукопись.

Утром следующего дня заскрипел калам в руках мальчика. Без отдыха трудился Мухаммад. К концу дня он дошел до притчи «О льве и быке». Вьется затейливая вязь назив-



дательного рассказа о том, как вероломный лжец побудил к вражде двух любящих людей.

Идут дни, продвигается работа. Сколько житейской мудрости заключено в этом повествовании! Любое изречение может стать пословицей.

— «Мягко начало вероломства, сладок рост его, но горек плод, глубока пропасть и скользок откос»,— перечитывает Мухаммад только что написанное и добавляет: — Воистину так!

Наступил день, когда Мухаммад закончил последний лист рукописи. В конце листа он написал, словно заправский переписчик: «С помощью Всевышнего переписана книга в стольном городе Кяте, в месяце Джумада ал-аввал, в году семь и семьдесят и триста». Мухаммад ибн Ахмад ал-Беруни переписал».

Завернув обе рукописи в старый поясной платок, Мухаммад отправился к дому Рузбе-ха ибн Кавада. С трепетом показал он купцу свою работу. Внимательно все осмотрев, Рузбех похвалил переписчика и выплатил ему остальные деньги. Затем купец велел отнести рукопись к переплетчику, а Мухаммаду дал стопку бумаги и очередную книгу.

Над переписыванием второй рукописи он работал быстрее и увереннее. Однако как бы ни уставал, Мухаммад находил время для занятий наукой исчисления.

---

\* Месяц Джумада, первый 377 года хиджры, соответствует августу 987 г.

Купец только похваливал своего переписчика да давал ему новые задания. Деньги Мухаммад приносил матери, и она сделала запасы на зиму: купила вдоволь муки и пшена, масла и виноградного меда.

Когда книги были переписаны, Рузбех велел Мухаммаду составить полный перечень рукописей, которые хранились у него в доме. За эту работу он тоже хорошо заплатил.

Однако ничто не вечно. Настало время, и Рузбех сын Кавада снарядил вместе с другими купцами караван и ушел в далекий северный Булгар, расположенный на полноводном Итиле\*. Из Булгара поступал дорогой товар: прекрасные меха, рыбий зуб, воск, мед, амбра, прямые мечи, голубоглазые рабыни и кора дерева халандж\*\*. Рузбех уже не раз ходил в Булгар и возвращался с большой прибылью.

А Мухаммад снова стал уходить в заросли на берегу Джейхуна за дровами. Мать он уговорил оставаться дома.

Однажды Мухаммад собрал две вязанки дров и собрался уже домой, когда услышал неподалеку треск кустарника. На всякий случай Мухаммад затаился, но уже было поздно: раздвинулись ветки, и он увидел голубоглазое лицо со светлыми волосами и небольшой курчавой бородкой. Глаза смотрели спокойно и слегка насмешливо.

— Кто ты и как сюда попал? — медленно

\* И т и л ь — Волга.

\*\* Х а л а н д ж — береста.

спросил незнакомца. Произношение и облик выдавали в нем чужестранца.

— Я дрова собирал, а вы что тут делаете?

— Собираю траву, чтобы изготавливать лекарства.

— А как вы узнаете, где плохая, а где хорошая трава?

— О, это большая наука!

— А научиться можно?

— Можно. Почему же нельзя?

Незнакомец выбрался из-за кустов. На нем была белая, ниже колен, рубаха с кожаным поясом и узкие, в обтяжку штаны, заправленные в простые, но добротные сапоги. За поясом у него торчали широкий прямой нож и маленькая ручная мотыжка, заменявшая плотникам топорик. Через плечо висел полосатый мешок, до половины набитый травами и кореньями.

Незнакомец опустил мешок на землю, уселся рядом. Отцепив от пояса глиняную посудину в плетенке из кожаных ремешков, он отпил из нее и предложил мальчику.

— Пей. Это настой из трав. Жажду убивает.

Мухаммад отпил несколько глотков. Горьковатый душистый настой и впрямь оказался ему приятным и освежающим.

— Так... значит, дрова собираешь. Для себя?

— Нет, на продажу.

— А много ли платят?

— Да нет. На две лепешки едва хватает...

— Вот как? Тогда траву собирать выгод-

нее, и на хлеб, и на мясо хватит. Можно и больше заработать. Мне помощник нужен. Хочешь помогать?

— Так я не знаю травы.

— Не беда. Узнаешь.

— А где вас найти?

— Я лекарь. Зовут меня Диннис-румиец. А если по-румийски, то Дионисий. Живу я у базара торговцев пряностями.

— Знаю, знаю. Это недалеко от мечети ал-Музаффарийа.

— Верно. Так вот, приходи ко мне. Спросишь, где живет Диннис-румиец, тебе всякий покажет. Они там все у меня лечатся.

\* \* \*

Дом Дионисия находился на углу улицы Сангизар и воротами выходил к базару торговцев пряностями. В жаркие дни разогретый воздух во дворе румийца был напоен пряными запахами.

Пробираясь сквозь толпу и степенно отвечая на приветствия, Диннис-румиец добрался до дому. Открыв дверцу, хозяин вошел во двор. На звук его шагов из дома вышла сероглазая молодая женщина.

— Никто не приходил за мной, Ника?

— Нет, мой муж и господин.

Несколько лет назад на невольничьем рынке, возле мечети Аббаса, Дионисий увидел молодую румийку. Он заговорил с ней по-гречески. Девушка оказалась землячкой Дионисия. Ее захватили и продали в рабство мор-

ские разбойники. Диннис-румиец выкупил девушку и сделал своей женой.

Сам Дионисий много лет назад тоже был схвачен морскими разбойниками. Собрав большой флот, они осадили родной город Дионисия. После того как большинство его защитников пало, осаждающие ворвались внутрь и устроили страшную резню.

От смерти Дионисия спасло лишь то, что он был знаком с искусством врачевания, а среди пиратов было много раненых.

Награбив золота, драгоценностей, товаров, разбойники отобрали крепких мужчин и красивых девушек и погрузили все на свои суда.

В Египте пираты распродали свою добычу. Дионисия купил багдадский работорговец. Несколько месяцев они добирались до Багдада. По пути купец распродав почти весь товар. В Багдад он привел самых дорогих рабов: красивых девушек, молодых и сильных мужчин да несколько ученых румийцев, знавших искусство врачевания или другие полезные науки.

В Багдаде Дионисия продали купцу из Самарканда. И снова долгий путь по караванным дорогам. Уже во время путешествия в Самарканд румиец начал приносить прибыль своему хозяину. Он лечил заболевших путников, а плату за лечение брал купец.

В Самарканде купец с прибылью продал Дионисия работорговцу из Хорезма. И вновь караванные пути, тяготы и лишения, пока не добрался румиец до старинного города на берегу Джейхуна.

Дома работорговца ждала беда: заболел его единственный сын. Вызывали врачей, но они не могли исцелить недуг. Убитый горем работорговец поклялся на коране, что если Дионисий вылечит его сына, то он дарует рабу свободу.

Лечение было долгим и упорным, но все же Дионисий вылечил мальчишку. Однако купцу стало жалко так просто, задаром, отпустить Дионисия на волю. И чтобы не нарушить клятвы на коране, хозяин заявил, что отпустит румийца лишь в том случае, если он перейдет в истинную веру пророка.

Хозяин надеялся, что раб не откажется от последнего утешения — веры своих предков. Однако Дионисий после всех пережитых ужасов и испытаний потерял веру в богов. И к тайному неудовольствию хозяина спокойно согласился принять ислам. Так Дионисий стал свободным человеком.

Поразмыслив, Дионисий решил остаться в Хорезме: родные и близкие его погибли от рук пиратов, а сам он сделался вероотступником. Он занял деньги у своего бывшего хозяина и купил домик с садом и подсобными помещениями.

Исцеление сына хозяина принесло ему славу хорошего врачевателя, поэтому работы у Дионисия хватало. Через пару лет румиец выплатил долг, зажил спокойно и безбедно. В свободное время он посещал медресе, чтобы улучшить познания в арабском языке. В конце концов он даже стал читать арабские рукописи об искусстве врачевания. Так ему

стали доступны работы знаменитых по всему арабскому миру врачей: Мухаммада ар-Рази, Али ибн Аббаса, Сабита ибн Курра, Сахла ибн Раббана и других мудрецов.

\* \* \*

7

Вернувшись домой, Мухаммад посоветовался с матерью и решил сходить к румийцу, чтобы договориться о работе. Кроме того, его привлекала возможность изучить науку о лекарственных растениях.

Утром следующего дня Мухаммад пробирався по базару торговцев пряностями. Разыскав дом Дионисия, он постучал. Отворил сам хозяин. Его светлые волосы и курчавая борода были влажны и тщательно расчесаны.

— Что? Заболел кто-нибудь? — спросил румиец. Приглядевшись, он узнал Мухаммада и молвил: — А-а, это ты? Заходи.

Дионисий усадил гостя на глиняную суфу, покрытую темно-коричневой, с белыми узорами кошмой, и ушел в дом.

Юноша огляделся. Дворик маленький, но опрятный и тенистый. Больше половины его занимали цветники и грядки с незнакомыми Мухаммаду растениями.

Из дома вышла красивая сероглазая женщина с подносом в руках. Она приветливо поздоровалась с Мухаммадом и, расстелив на суфе дастархан, поставила поднос, на котором высился кувшинчик вина, лежали лепешки, свежий сыр и жареная рыба. Распра-

вив складки дастархана, женщина вернулась в дом.

Вышел хозяин, снял туфли и сел на суфу. Пробормотав подобие молитвы, он предложил юноше разделить с ним его скромную трапезу. Румиец налил юноше вина, придвинул снесь. Они принялись за еду. Мухаммад вежливо молчал.

— Ну ладно, — сказал Дионисий, — перейдем к делу. Будем с тобой собирать травы, но сначала я тебе некоторые из них покажу. Вот смотри, — протянул он Мухаммаду пучок растений, похожих на усики виноградной лозы, но с листьями, как у вьюна. — Это — зарванд. Румийцы называют его аристолохией. Очень полезное растение: оно вытягивает из раны колючки и обломанные концы стрел, очищает, залечивает от укусов скорпиона и от лихорадки с ознобом.

Мухаммад, раскрыв каламдон, торопливо записал румийское название зарванда и его полезные свойства.

— Ого! — одобрительно сказал румиец. — А ты не теряешь времени даром!

Подойдя к цветнику, он сорвал цветок.

— А это что?

— Нарджис, — ответил Мухаммад.

— Правильно. По-румийски — нарцисс. Он сушит раны и склеивает их. Если его растереть с медом и положить на ожог, то пострадавшее место быстро заживает. Полезен также от головной боли. Или вот райхан. По-румийски его название — базилик. Помогает от болей в желудке.



— Учитель, — неожиданно сказал Мухаммад и, смутившись, умолк на мгновение. — Учитель, а если слово аристология перевести с румийского на наш язык?

— М-м-м... «Лучший для рожениц». Она ведь и при родах помогает.

49

— Учитель, а вы можете мне изучить румийский язык? Он не трудный?

— Да не труднее арабского. Я смотрю, ты паренек смысленый, грамоте обучен. Знаешь арабский?

— Учителя меня хвалили, — скромно ответил Мухаммад. — Но мне еще много надо учиться.

— Проверим... Тут у меня одна книга есть. Такая мудреная! В одном месте я не смог разобраться. Сейчас принесу.

Вернувшись из дому, румиец протянул юноше рукопись в потертом переплете.

— «Китаба тибб ал-Мансури», — прочел Мухаммад и перевел на хорезмийский: — «Медицинская книга Мансура». Я слышал о ней, ее сочинил ар-Рази. А где же это место?

— А вот, — полистав книгу, Дионисий нашел нужную страницу. Юноша без особого труда разобрался в сложных языковых оборотах и растолковал румийцу суть предложения. Дионисий с уважением глянул на Мухаммада: такой молодой, а как хорошо знает арабский язык!

— Ну что ж. Ты мне с арабским поможешь, а я тебя научу румийскому и о травах расскажу. По рукам?

— Да буду я выкупом за вас!

— Я сам себя выкупил,— невесело пошутил Дионисий. — Дай-ка бумагу.

Он быстро набросал на листке буквы румийского письма и сделал для них огласовки на арабском языке.

— Вот возьми. Если к следующему разу запомнишь, буду заниматься с тобой румийским!

Дионисий встал и ушел в дом. Скоро он вернулся с двумя пустыми мешками.

— Пойдем! — бросил на ходу.

На берег Джейхуна они вышли до жары. С реки тянуло сыростью и прохладой. Пробравшись сквозь заросли, они поднялись к руинам древнего замка и через пролом в стене вышли на широкий внутренний двор. Весь двор был усеян зеленоватыми кустиками с белыми цветочками.

— Садаб? — спросил Беруни.

— Да, по-румийски это рута. Очень полезная. Если ее истолочь с солью и сделать повязку, то снимает опухоль, залечивает застарелые раны. Сок руты обостряет зрение, а отвар свежей руты с укропом полезен при болях в груди и кашле. Сок, смешанный с вином, помогает от ядов. Однако если съесть слишком много дикой руты, то умрешь.

В этот день собирали и другие растения. Потом Мухаммад помогал румийцу готовить лекарства, а когда Дионисия вызвали к больному, полил и подмел двор, натаскал из колодца воды. Затем, усевшись на краю суфы,

достал листок и стал заучивать румийские буквы, рисуя их прутиком на земле.

Каждый день они уходили далеко за город, разыскивая и собирая лекарственные травы, а Мухаммад запоминал их румийские названия и полезные свойства. Устав бродить, усаживались в тени, и Дионисий, достав из мешка румийскую книгу, обучал Мухаммада языку своей родины. Юноша выписывал незнакомые слова, слушал пояснения, а потом записывал правила.

Прошло несколько месяцев, и Мухаммад потихоньку начал читать румийскую книгу, которую дал ему Дионисий. С помощью румийца он прочитал ее до конца и тут же начал сначала. Теперь незнакомых слов и трудностей в переводе было меньше, и он реже обращался к Дионисию за помощью. Мухаммад прочел книгу еще несколько раз и, наконец, выучил наизусть.

Заучив книгу, Мухаммад пересказывал Дионисию целые страницы, а румиец поправлял его ошибки в произношении слов. Потом Беруни прочел еще несколько книг и в один прекрасный день отважился заговорить с Дионисом по-румийски.

Дионисий изумился: он не ожидал от своего ученика таких быстрых успехов. Теперь Мухаммад разговаривал с Дионисом только по-румийски. Сначала румиец морщился и поправлял ошибки собеседника почти после каждого слова, но через некоторое время они уже довольно свободно переговаривались на румийском языке.

Пришло время, и Диннис-румиец сказал Мухаммаду, что лекарственные травы ему больше не нужны: набралось столько, что хватит на целый год.

Беруни приуныл — надо искать новый заработок. Однако Дионисий снова выручил Мухаммада: в город пришел караван, в котором оказалось несколько румийских купцов. Дионисий пристроил Мухаммада к одному из них: купец не знал ни арабского, ни хорезмийского, а его слуга-переводчик умер в пути. Поэтому румийцу нужен был толмач.

Недели две с утра до вечера Мухаммад ходил вместе с купцом. Работа с непривычки была тяжелая и к концу дня Мухаммад уставал настолько, что не понимал уже ни порумийски, ни по-хорезмийски.

Когда все товары были закуплены, румиец вспомнил, что ему нужен китайский шелк, причем только бледно-зеленый или, на худой конец, голубой. Вместе обошли они базар, побывали почти во всех лавках, но такого шелка не нашли.

Оставалось еще несколько лавок в дальнем углу базара. Румиец направился к ним. В первой же из них Мухаммад увидел Рузбеха сына Кавада.

— А-а-а, маленький переписчик больших книг, — улыбнулся Рузбех, — заходи. Сейчас для тебя нет работы, но я всегда рад такому гостю.

— Я тоже рад вас видеть, господин. Удачно ли съездили в Булгар?

— О, да я после Булгара и в Кашгаре побывал. Хорошая страна! А это кто?

— Купец из Рума. Ищет светло-зеленый или голубой шелк. Весь базар исходили, нигде нету.

— О, у Рузбеха сына Кавада все есть!— гордо заметил хозяин лавки. — А ты что, у румийца за провожатого?

— Нет, я у него толмачом.

— Как?! — удивился Рузбех. — Да когда же ты успел?

— Меня Диннис-румиец обучил.

— Смотри-ка... Ай-яй-яй. Кто бы мог подумать!

Приедем купцу надоело слушать чужие разговоры, и он напомнил Мухаммаду о шелке.

Рузбех пошел внутрь лавки и вернулся с образцами. Румиец жадно их схватил и долго придиричиво рассматривал. Затем велел принести тюки. Рузбех с уважением поглядывал на купца: сразу видно — знаток.

Начался торг. Рузбех назвал цену, румиец потребовал сбавить. Мухаммад с интересом следил, как достойный Рузбех сын Кавада, ценитель и собиратель мудрых книг, сразу превратился в алчного купца, как только появилась возможность наживы. Долго торговались они, пока хозяин лавки понемногу не сбавил цену.

Румиец выплатил задаток, и они с Мухаммадом направились к выходу.

— погоди! — остановил Рузбех Мухаммада и протянул ему золотую монету.

— Да что вы! Незачем!— попятился юноша.

— Когда дают— бери! Сегодня у меня удачный день,— доверительно склонился Рузбех,— я на каждые десять динаров по шесть вот таких золотых заработал. И в следующий раз, если будешь толмачом у румийцев, веди их только ко мне, понял? А я уж в долгу не останусь...

Сконфуженный Мухаммад завязал золотой в платок и положил за пазуху. «Вот уж мать обрадуется!»— подумал, улыбнувшись, и зашагал вслед за румийцем.

Прошло несколько дней, и румийские купцы начали собираться в путь. Румиец, у которого Мухаммад был переводчиком, щедро расплатился со своим толмачом: дал ему один золотой и десять серебряных монет.

Золотой был румийского происхождения. На нем изображены два правителя, а между ними — шестиконечный крест, который они придерживали руками. На оборотной стороне был Иса — румийский бог. Мухаммад попытался разобрать надписи, но они оказались сокращенными, и ему удалось прочесть лишь имена: Василий и Константин\*. Серебряные дирхемы, полученные от купца, были выпущены в странах ислама: один в столице Египта — Мисре, два — в Дамаске, а остальные — в Бухаре, Самарканде и Хорезме. По этим монетам можно было проследить

---

\* Василий II и Константин VIII (976—1025 гг.).

весь путь румийца. Куда только ни бросает купца страсть к наживе!

Освободившись от работы переводчика, Мухаммад первым делом побежал к Дионисию. Но там его ожидала неожиданная и печальная весть: румийские купцы уговорили Дионисия вернуться на родину.

Диннис-румиец продал дом, домашнюю утварь, а на вырученные деньги накупил редких восточных товаров, которые высоко ценятся в Византии.

Маленький двор бывшего дома Дионисия завален тюками и вьюками. Увидев Мухаммада, Диннис-румиец растерянно улыбнулся.

— Вот, Мухаммад, видишь? Решился все же ехать. Человек не может без родины. Лист, оторванный от дерева, увядает. Ты помни меня, Мухаммад, и язык наш не забывай. А это тебе, чтобы лучше помнил.

И Дионисий протянул юноше несколько румийских рукописей. Взяв книги, Мухаммад приложил их ко лбу.

— Там есть несколько песен из «Илиады» и «Одиссеи», — продолжал Дионисий, — на полях я написал разъяснения к трудным местам. И еще я написал о Гомере, кто он был и когда. И еще там есть книга Диоскорида о лекарственных травах. Изучи ее хорошенько. Ну вот, кажется, и все. Давай прощаемся.

Мухаммад и Дионисий обнялись. Слезы подступили к глазам юноши. Еще один умный и добрый человек уходил из его жизни. Наверное, они больше не увидятся.

— Когда вы уезжаете, учитель?— дрогнувшим голосом спросил Мухаммад.

— Завтра утром, — ответил Дионисий.

— Я выйду провожать.

— Спасибо, Мухаммад!

Рано утром юноша вышел на дорогу и сел у подножия могучего карагача.

И вот послышался монотонный перезвон верблюжьих бубенцов. Медленно приближался торговый караван... Мимо проехал румийский купец, у которого Мухаммад был толмачом. Узнав юношу, он приветственно махнул ему рукой.

А вот и Дионисий. Юноша побежал ему навстречу. Румиец остановил коня.

— Учитель! Вот возьми. Здесь стихи. Я посвятил их тебе. Спасибо за все, учитель!

Нагнувшись в седле, Дионисий обнял Мухаммада за плечи.

— Прощай, друг. Помни Динниса-румийца. Да сопутствует тебе удача.

Румиец тронул поводья. Поджарый золотистый жеребец с черной гривой послушно двинул вперед.

— И вы не забывайте меня, учитель. Да хранит вас небо! Счастливого пути!

Караван медленно уходит. Видны лишь несколько всадников. Один из них оборачивается и машет рукой. Это Дионисий.

Все... Исчез румиец, растворился в безбрежном мирском океане. Но разве исчез он бесследно? Нет! Он оставил след в судьбе Мухаммада, и Беруни будет помнить его всю жизнь.



На склоне дней, перешагнув за седьмой десяток лет, Беруни написал свой последний труд — «Китаб ас-Сайдана фи-т-тиб», посвященный лекарственным растениям.

57

В этой книге прославленный ученый с благодарностью вспоминал об одном румийце, поселившемся в Хорезме. От него молодой Беруни узнал греческие названия плодов, зерен, злаков, растений и многое другое. В своей рукописи он не назвал имени румийца, сохранив его для себя.

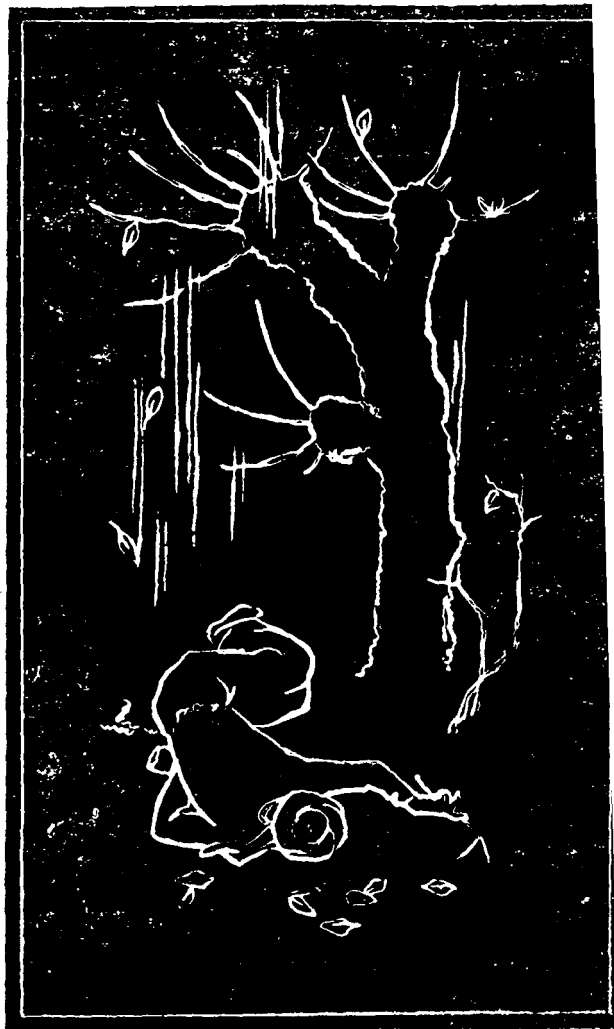


3

# АЛ-ИРАКИ

**„Семья Ираки вскормила  
меня. А их Мансур  
взялся вырастить“.**

**Абу Райхан ал-Беруни**



---

ни стали короче, ночи — холоднее. По утрам на пожелтевшей траве выпадал иней. Летом и ранней осенью у Беруни было много работы: собирал лекарственные травы и растения. С приближением зимы этого заработка не стало.

Однажды к Мухаммаду зашел Гариб-наджар, хороший плотник и добрый сосед.

— Здравствуй,— сказал он Мухаммаду,— дело есть.

— Заходите. Что за дело?

— Письмо сестре послать. Она с мужем в Гургандж уехала, там и живет. Я договорился с Масудом, погонщиком верблюдов, что он отвезет письмо. Вот только написать...

Мухаммад открыл сундук, достал лист бумаги, калам и чернильницу.

— Ну, говорите, сосед.

— «Здравствуй, дорогая сестра! Мир тебе и мужу твоему, детям и дому вашему...»— начал Гариб-наджар.

Беруни пишет письмо, калам быстро и плавно скользит по бумаге.

— «...И получив это наше письмо, обязательно отвечай, а мы ждать будем. Вассалом».

Гариб-наджар облегченно вздохнул: лег-

че сделать мельничное колесо, чем сочинить письмо. Плотник бережно взял письмо и залюбовался красивым, четким начертанием букв.

— Да буду я выкупом за тебя, сосед,— благодарно сказал плотник,— глаз радуется, как ты красиво написал. Вот, возьми, сосед.

И Гариб протянул юноше три данака\*.

— Да что вы, Гариб-наджар, не возьми я!

— Бери, бери. Не обижай... Это — от чистого сердца. Писцы на базаре возьмут больше, а напишут хуже. Я ведь знаю, ты не богач. Бери!

Покраснев от смущения, Мухаммад взял деньги. А плотник на прощанье заметил:

— Почему бы тебе не пойти на базар, где сидят писцы? Будешь письма составлять. На хлеб-то уж наверняка заработаешь...

«Гариб дело сказал,— задумался Мухаммад.— Жить не на что, а тут какой ни есть, все же заработок. Надо попробовать».

Рано утром, одевшись потеплее и завернув в платок лепешку, Беруни взял бумагу, каламдон с чернильницей и пошел на базар, где продавали зерно и другие хлебные припасы. У входа на базар на скамеечках сидели писцы.

Мухаммад нерешительно подошел и поздоровался, но его не удостоили ответом. Сложив несколько камней, юноша сел и поста-

---

\* Д а н а к — мелкая монета, равная одной шестой дирхема.

вил перед собой складную деревянную подставку.

Мимо Мухаммада прошла бедно одетая женщина. Она остановилась возле толстого, рябого писца, восседавшего на красивом коврике, и попросила его написать письмо.

— Деньги-то есть у тебя?— спросил рябой, окинув взглядом ее бедную одежду.

— А сколько надо?— робко спросила женщина.

— Меньше чем за дирхем писать не стану,— изрек писец.

Достав из-за пазухи платок, женщина высыпала на ладонь медяки.

— Господин, у меня всего пять данаков. Может быть, напишете? Мне очень надо!

— Нечего попрошайничать, убирайся!— отрезал рябой. — За душой ни дирхема, а туда же: письма ей пиши!

Остальные писцы сочувственно закивали чалмами.

Понуриив голову, женщина побрела прочь.

— Идите сюда, матушка,— услышала она молодой приветливый голос,— я напишу письмо.

Рябой подозрительно оглядел юношу. Его собратья недовольно зашумели. Женщина недоверчиво глянула на Мухаммада, но все же подошла. Юноша достал листок бумаги, макнул калам в чернильницу и приготовился.

— Ну, говорите, матушка.

Закончив писать, Мухаммад свернул письмо трубочкой и занечатал воском.

— Вот, держите.

Женщина положила свои медяки рядом с чернильницей и ушла, благодаря и благословляя доброго человека.

До конца дня Мухаммад заработал, не считая стоимости бумаги и чернил, один дирхем и полданака. Купив тут же, на базаре, три большие сдобные лепешки и полтора мана\* свежей баранины, он пошел домой.

\* \* \*

На следующее утро Беруни снова занял свое место у входа на базар. Позже всех появился рябой. Проходя мимо, он пнул ногой подставку для письма и процедил:

— Убирайся отсюда, щенок, не то мы с тобой разделаемся.

Мухаммад проворно подхватил чернильницу.

— Зачем шумишь? Места всем хватит.

— Ну, погоди!

К полудню Беруни составил уже несколько писем, а рябой — ни одного. Он метал в сторону юноши угрожающие взгляды и наконец не выдержал. Созвав своих дружков, он начал с ними совещаться, бросая на Мухаммада злобные взгляды. Затем рябой подошел к юноше.

— Уйдешь отсюда по-хорошему?! — крикнул он и ударом ноги опрокинул подставку. Мухаммад вскочил и сжал кулаки.

---

\* Один ман составляет немногим более 800 г.



— Уйдешь или нет, сын блудницы?!

— Не обижай мою мать, она тебе ничего плохого не сделала!

— Сын потаскухи, сын блудницы! — зло-  
радно повторил рябой и плюнул в лицо Мухаммада.

Деревянная подставка с размаху опусти-  
лась на голову обидчика. Рябой со стоном  
повалился на землю.

— А-а-а! Убили! Держи его!— закричал  
один из писцов.

— Вот он! Хватай! Бедную вдову огра-  
бил!— завопил другой.

— Ограбили бедную женщину! Убил! Ка-  
раул! Держи-и-и!— вторили остальные.

Писцы набросились на Мухаммада, осы-  
пая его ударами. Вокруг собралась толпа.

— Люди! Вот этот негодяй ограбил бед-  
ную вдову и убил ее сына! Что же вы смо-  
трите, люди?!

— Это неправда!— кричал Мухаммад, но  
писцы заглушили его своими воплями.

— Бей!— подстрекнул толпу один из пис-  
цов и, подняв обломок кирпича, швырнул  
его в Мухаммада. Юноша качнулся и осел  
на колени. Десятки рук потянулись к кам-  
ням.

«Все... Конец... Убьют...»— мелькнуло в  
голове у Мухаммада.

Вдруг наступила тишина. Расталкивая  
толпу, к юноше приближался богато одетый  
вельможа с вооруженными телохранителями.  
Сильные руки подняли Мухаммада, подвели  
к знатному господину.

— За что хотите убить этого человека?— спокойно и громко спросил всадник.

— А ты кто такой?— крикнул один из писцов и поспешно спрятался за чужие спины.

— Я Абу Наср Мансур ал-Ираки, внук властителя Хорезма. Так за что вы хотели убить юношу?

— Он вор, ограбил бедную вдову и убил ее сына! — слышались возмущенные голоса.

— Кто видел, как этот юноша ограбил бедную вдову и убил ее сына, пусть выйдет сюда и поклянется кораном!

Толпа замолчала. Люди недоуменно переглядывались: кто же видел, кто принесет клятву?

Наконец на середину круга вытолкнули писца — самого громкого крикуна.

— Вот он знает!

— Да что вы, люди хорошие, я знать ничего не знаю, я случайно проходил мимо и...

— Врет, собачий сын, он громче всех орал!

— Ты знаешь его?— наклонился вельможа к Беруни.

— Да, господин, знаю,— и Мухаммад рассказал, как он написал письмо для бедной женщины, над которой насмеялись писцы, и как расправился с рябым, оскорбившим его мать.

— Чем можешь это все подтвердить?

— Могу поклясться на коране, что не сказал ни слова лжи.

Толпа снова зашумела, теперь уже сочувствуя юноше:

— Подумать только: чуть не убили ни в чем не повинного человека!

— Бедняга, да ведь у тебя все лицо в крови! Ты ранен? — спросил Ираки. — По-едем ко мне, мой лекарь тебе поможет.

7      Один из воинов помог Мухаммаду взобраться на лошадь. Маленький отряд пересек шумный базар и свернул на широкую, мощеную камнем улицу.

У Мухаммада кружилась голова и, чтобы не упасть с лошади, он вцепился в кожаный, с медными бляхами, пояс воина, сидевшего впереди. Широкая спина всадника, обтянутая кольчугой, пахла потом, ремнями и железом.

\* \* \*

Городская усадьба Абу Насра Мансура ал-Ираки напоминала дворец и крепость хорезмшахов, только была поменьше. Еще издали увидел Мухаммад высокую стену, по углам которой стояли мощные башни со стреловидными бойницами. В середине стены — ворота с предвратным укреплением. Расстояние между угловыми башнями было не меньше двухсот гязов\*.

В глубине дворца высилась четырехугольная башня. На самой ее вершине Беруни

---

\* Гяз или зира составляют около 54 см.

разглядел странное сооружение. Приглядевшись, он решил, что это, должно быть, секстант ал-Фахри. По крайней мере, так он должен был выглядеть, судя по описанию, которое Беруни нашел в одной из рукописей.

Небольшой отряд подъехал к предвратному укреплению. У подножия стены тянулся глубокий ров, на дне которого зеленела вода и торчали побуревшие стрелы тростника.

Натужно заскрипев, ворота прочертили по доскам перекидного моста шершавый полукруг. Ираки и его воины проследовали в крепость. Высокие кирпичные своды узкого прохода были тронуты паутиной, почерневшей от копоти факелов. Копыта лошадей зацокали по неровным каменным плитам.

Вот и залитый солнцем двор, широкий и просторный. Вокруг величественной башни в центре двора расположились дворцовые палаты. Возле дворца — водоем, окруженный могучими деревьями. По краям двора, вдоль стен, тянутся многочисленные постройки: склады, конюшни, кухни, баня, жилища для слуг и воинов.

Воины спешились и повели лошадей. Кликнув одного из них, Ираки велел ему отвести юношу к Шахрияру.

— Пусть посмотрит его рану, а затем приведет ко мне. Я буду в Зеленой палате.

Шахрияр промыл юноше рану и наложил повязку с мазью. — Ничего, через пару дней будешь молодцом, — утешающе сказал лекарь. — Ну, пойдем, отведу тебя к господину.

Абу Наср Ираки вошел в Зеленую палату. Почтительно приблизился слуга, помог снять чалму и тяжелый, расшитый золотом халат из малинового бархата. Склонившись, стянул со своего господина высокие сапоги и, придвинув ему желтые сафьяновые туфли, беззвучно удалился.

Ираки откинулся на подушки, привычно оглядел палату. На бледно-зеленых стенах белеет кружево резного алебастра, местами тронутого голубой и розовой краской. Настил потолка сделан из тонких длинных стволы тополя, он окрашен в темно-зеленый цвет и покрыт сине-красной, с позолотой, росписью.

Посреди комнаты стоит приземистый восьмиугольный столик с резными ножками. Крышка его украшена узорами из рыбьего зуба. Столик завален рукописями и чертежами, среди которых светлой медью поблескивает астролябия.

В дверь постучали.

— Мир входящему,— проронил Ираки.

Подталкивая вперед смущенного Мухаммада, вошел Шахрияр, склонился в низком поклоне.

— Господин, я наложил повязку, юноша будет здоров...

— Хорошо, ступай.

Ираки слегка кивнул головой незнакомцу.

— Садись, я разрешаю!

Юноша робко присел на пятки.

Ираки — лет под пятьдесят. В его черную

волнистую бороду и усы вплелись серебряные нити. Высокий лоб изрезан морщинами. Слегка раскосые, глубоко посаженные глаза смотрят зорко и пытливо. Длинные седеющие волосы тщательно расчесаны.

— Ну... Поведай о себе. Без утайки.

— Я мало знаю о себе, господин. Не ведаю деда своего, и отца не помню. А мать собирает дрова, чтобы прокормиться,— с горечью ответил юноша. — Родился я в бируне и нисбу\* себе выбрал Беруни, а имя мое — Мухаммад.

— Странная у тебя нисба,— задумчиво проговорил Ираки.— Ну, а где ты научился писать?

Мухаммад рассказал о Рахмат-муаллиме, о Гатфаре из медресе Мухаммадийа, помянул румийского лекаря Дионисия. Потом поведал о своих занятиях в книгохранилище при мечети ал-Музаффарийа.

— Если все, что ты рассказал,— истина,— улыбнулся Ираки,— то можешь надевать черный тайласан\*\*. Однако наука ничего не берет на веру. Тебе надлежит доказать сказанное, а мне — проверить. Садись за этот столик.

Юноша повиновался.

— Тебе известна тень вертикального шеста, длина которого двенадцать гязов. Надоб-

\* Нисба — прозвище по месту происхождения.

\*\* Тайласан — род покрывала, ниспадающего с головы на спину. Черный тайласан — отличительная часть одежды ученого или законоведа.

но определить дневную высоту солнца. Как поступишь?

— Тень умножу на себя и прибавлю сто сорок четыре. Потом извлеку корень. Потом тень умножу на шестьдесят и разделю на корень. Далее вычту из девяноста число, полученное от деления. Остаток укажет искомую высоту.

— Молодец!— одобрительно заметил Ираки.— Ну что ж, правило знаешь. Посмотрим, каков ты в счете. Пусть тень будет длиной в шесть и три четверти гяза. Теперь вычисли.

Беруни быстро справился с задачей и отдал листок Абу Насру. Последовали новые вопросы и задачи. Наконец, Ираки удовлетворенно молвил:

— Мне нужен помощник для вычислений. Будешь со мной работать?

Беруни встал и, сложив руки на груди, поклонился:

— Прикажете, господин!

Ираки улыбнулся: с таким дельным помощником работа пойдет быстрее. А труд он задумал немалый: составить описание звезд и лунных стоянок и вычислить их расположение.

— Какую же плату тебе положить?.. Три динара в месяц хватит?

— О, господин, и одного довольно!..

— Ну, это уж мне лучше знать: хватит или не хватит,— добродушно заметил Ираки.— Вот задаток. А за работу буду спрашивать строго. Завтра с утра начнешь. Все. Ступай...

Ночь. В бездонной черноте неба сияет ослепительная луна. Вокруг нее водят хоромы драгоценные самоцветы звезд. А между ними тускло и загадочно светит звездная пыль.

— Как прекрасно небо Хорезма!— думает Беруни, очарованный красой мироздания. На душе легко и радостно, а к глазам подступают слезы.

По деревянному настилу башни неторопливо шагает Абу Наср ал-Ираки. Глуховато звучит его голос.

— Люди науки установили три небесных движения. Наиболее очевидное из них — круговращение, идущее с востока на запад и возвращающееся к своей исходной точке за один день и одну ночь. Второе — это движение сферы неподвижных звезд по отношению к высшей сфере. У этих сфер общий центр, но полюсы различные. А еще есть движение планет, которые направляются с запада на восток, пересекая знаки Зодиака.

Ираки умолкает, сосредоточенно вглядываясь в созвездия.

Эта чудесная ночь с ее откровениями пришла к Беруни после долгого утомительного дня.

Рано утром он уже был во дворце ал-Ираки. Его ученый хозяин только что спустился с башни после наблюдения за небесными светилами. Утомленный ночным бдением, Абу Наср принял Беруни в Зеленой палате.



— Здесь исходные величины,— сказал он, протянув Беруни несколько листков.— Тебе надлежит сделать вычисления. Да смотри, не ошибись! Полученные числа перепишешь начисто. Если что понадобится — крикни Ибн Муслима. Он позаботится.

Юноша набросился на работу. О, Ираки не пожалеет, что взял его в помощники! Беруни трудился, не разгибая спины. Пальцы, сжимающие скользкий потный калам, онемели от усталости, глаза слезились.

Скрипнула дверь. Слуга молча опустил перед юношей поднос с едой: чашку с пловом, мелко нарезанный лук с красным уксусом и кувшинчик вина, разбавленного горячей водой.

Утолив голод, Беруни снова погрузился в вычисления. Лишь когда совсем стемнело, Мухаммад распрямил ноющую от усталости спину и прикрыл ладонью натруженные глаза. Незаметно он задремал.

— Велик аллах! Да ведь тут сделано на три дня работы!— услышал Мухаммад изумленный возглас.— Уж не джины ли тебе помогли?

Беруни смущенно протер глаза: надо же так уснуть, что не услышал шагов ал-Ираки!

— Ну ладно, отдыхай. А я — на башню...

— Можно мне с вами?

— Ну что ж... Пойдем.

В руках у Абу Насра незнакомое Беруни приспособление.

— Это — «Зат аш-шубатейн». Румийцы называют его трикветом. Он служит, чтобы

определить расстояние, отделяющее луну от искомого светила. Ну-ка, попробуй! Видишь вон ту яркую красную звезду — это ал-Дебаран.

Волнуясь, Беруни делает замеры. Абу Наср взял триквет, проверил и сделал поправку.

— Ничего, для начала хорошо, — утешил он юношу.

Незаметно бегут ночные часы. Ираки делает измерения и говорит числа. Мухаммад сидит в палатке с откинутым пологом и в колеблющемся свете чирага записывает их ровными столбцами.

Близится рассвет. Небо бледнеет. В глаза Беруни словно песок насыпали. Он с трудом удерживает отяжелевшую голову.

Ираки отложил триквет в сторону: пора спускаться. Беруни побрел вслед за своим наставником.

— Э, звездочет, да ты спишь на ходу! — улыбнулся Абу Наср. — Ступай-ка домой. Завтра придешь. Сегодня от тебя проку не будет.

— Учитель, я могу работать! — восклицает Беруни.

— Ступай, тебе говорят.

\* \* \*

А дома Мухаммада ждал Гариб-наджар.

— Дело есть. Писать надо. Много!

— Устал я. Всю ночь работал.

— Понимаешь, это такое дело! Отказы-

вать нельзя!— Гариб опасливо оглянулся и зашептал: — В Хорезме карматы объявились. Они учат, что не должно быть бедных и богатых. Все зло в мире исходит от того, что у одних в изобилии золото, земля и женщины, а у других нету даже куска лепешки, чтобы накормить детей. Карматы говорят, что все должно быть общим, что все надо делить поровну между свободными людьми. Тогда прекратятся раздоры, зло и насилие. Земля да принадлежит тем, кто ее обрабатывает!

Беруни молча слушал Гариба, ошеломленный новостями.

— Они говорят, что когда земледельцы жили общинами, они были свободны. А теперь их грабят шах, вельможи и ростовщики. Надо снова объединиться в общины, и тогда земледельцы станут сильными и никто не осмелится их обидеть. А богачей, которые не захотят поделиться своим добром и землями, надо убивать!

Гариб умолк.

— Ну, а еще что они говорили?— нетерпеливо спросил Мухаммад.

— Еще? Постой... Еще о бессмертии души и об этом... мировом разуме, только я ничего не понял,— Гариб-наджар сокрушенно вздохнул.— Так вот, надо написать на бумаге слова их учения, чтобы новообращенные братья понесли его дальше.

Порывшись за пазухой, Гариб извлек несколько исписанных листов и стопку чистой бумаги.

— На вот!

Беруни писал, не отрываясь. Наконец усталость свалила его. Упав головой на столик, он заснул. Вошла мать, принесла подушку и уложила сына поудобнее.

Проснулся Мухаммад под вечер. Списков на столике уже не было. Вместо них — несколько серебряных дирхемов и горсть медных фельсов.

Собрав медь и серебро, юноша бросился за ворота: он не хочет наживаться на таком праведном деле.

На улице Гариб вполголоса говорил с высоким человеком в одежде странствующего торговца. Нижняя часть его лица была прикрыта концом чалмы. Мухаммад разглядел лишь огромные, горящие верой и убежденностью глаза.

Поцеловав незнакомцу полу халата, Гариб помог ему сесть в седло. Всадник ускакал прочь. Почтительно склонившись и сложив руки на груди, плотник молча проводил его взглядом.

— На вот, возьми! — рассерженный Мухаммад протянул наджару деньги. — Я тоже хочу помочь праведному делу.

На следующее утро, отдохнувший и выспавшийся, Беруни пришел во дворец ал-Ираки. И снова до рези в глазах, до ломоты в пальцах трудился над расчетами и вычислениями.

Слуга, принесший ему еду, сказал, что после обеда Беруни надлежит забрать вычисления и подняться на башню. Там его будет ждать хозяин.

Взбираясь по деревянной лестнице на вершину башни, Беруни услышал, как поскрипывают по настилу тяжелые, размеренные шаги Абу Насра.

— Принес? Ну-ка давай!— вельможа взял из рук юноши переписанные начисто расчеты.

— Наставник, а что дальше делать?

— Так, так,— бормотал Ираки, проверяя работу помощника.— Делать? Найдется, что делать!

Беруни с любопытством рассматривал секстант. Перед ним тянулись две равноудаленные друг от друга стенки, перекрытые сводом. В самом начале свода — отверстие величинной с кулак. Солнечный луч золотым копьём пронизывает полумрак сооружения и, ослепительно поблескивая, отражается на блестящей медной полосе, которая изгибается дугой от пола до свода. Вдоль нее идут ступеньки.

Ираки бережно собрал листки с вычислениями, положил их на стол и придавил астроблябией.

— Сейчас я объясню, как делать измерения на этом секстанте. Этот удивительный прибор придумал Хамид ибн Хизр ал-Ходженди. Он сам сделал все расчеты, вычисления и построил его на горе Табарак, к северу от Рея. Ал-Ходженди нашел полуденную линию, ее еще называют меридианом, и построил две стены так, чтобы она очутилась как раз посередине между ними.

Беруни слушал, затаив дыхание.

— Вон то круглое отверстие в своде над

стенами,— продолжал Абу Наср,— Ходженди сделал средоточием воображаемого круга, установленного на полуденной линии. А медная дуга между стен — это шестая часть окружности того круга. Насечки на дуге поставлены через каждые десять секунд и один градус будет...

— Триста шестьдесят делений,— не удержался Беруни.

В руках ал-Ираки очутилось бронзовое кольцо с перекрестием, показывающим центр его окружности. Кольцо по размерам совпадало с круглым солнечным зайчиком, поблескивающим на начищенной медной дуге. Прикрыв блестящее пятно кольцом, Абу Наср посмотрел на перекрестие и сказал:

— Сейчас расстояние между солнцем и зенитом сорок три градуса, тридцать пять минут и пятнадцать секунд.

— Вах!— восхищенно вздохнул Беруни.— Хвала тому, кто придумал, и тому, кто построил такое чудо!

Абу Наср удовлетворенно улыбнулся: ведь его секстант — единственный на весь Хорезм!

На лестнице послышались торопливые шаги. В проеме появилось встревоженное лицо слуги.

— Господин! Гонец из дворца. Великий шах Хорезма призывает к высокому служению. Велит не мешкать.

— Что еще там?— досадливо поморщился Абу Наср и бросил Беруни:— Без меня не уходи. Дожидайся.

Юноша возвратился в Зеленую палату. То-

мительно тянулось время. Вдруг во дворе послышался шум, громкие голоса, звон оружия. Выскочив во двор, Беруни увидел своего наставника. Затянутый в кольчугу, со стальным шлемом на голове, он высился на боевом коне. Позади него в суровой неподвижности замерли вооруженные всадники.

— Господин, что случилось?

— Бунт! Убиты государевы воины и чиновник. Разбойники захватили замок Кала-и Сафид! Ты ступай домой. Как понадобишься, за тобой придут.

Хлестнув коня, Ираки помчался к воротам. За ним поскакали воины.

Спотыкаясь в темноте, Беруни пробирался по ночным улицам Кята. Время от времени мимо него проносились отряды вооруженных всадников.

Возле шахского дворца рокотали огромные барабаны, пронзительно завывали карнаи.

Открытые крепостные ворота багровели в тревожном отблеске факелов. Мухаммад проскользнул мимо стражи и очутился в бируне.

Во дворе Гариб-наджара ярко пылал костер, слышался гул многих голосов. Беруни открыл калитку. Все повернулись в его сторону, а один из гостей плотника выхватил длинный нож.

— Это свой,— раздался голос Гариба.

— Тогда проходи, брат!

— Что случилось?— шепотом спросил Беруни.

— Братья подняли крестьян. Они повесили сборщика налогов и перебили его охрану. Сейчас они в замке Кала-и Сафид.

Послышался голос проповедника:

— Богачи и шахские собаки душат нас налогами и поборами. Сборщики податей берут вдвое против положенного: грабят и для себя и для шаха. А если бедняку нечего дать, избивают его плетьюми, истязают без жалости. Настало время справедливости. Мы уничтожим неправедных властителей!

— Да будет!— грозно звучит клятва.

— Мы поделим между всеми землю, воду и богатства!

— Да будет!

— Мы выберем праведных правителей!

— Да будет!— звенят ликующие голоса.

— Тише, тише!— вбегает во двор подросток.

По улице проносится отряд воинов. Копья мелькают над кромкой дувала. Конский топот постепенно утихает...

— Пора и нам, братья!— восклицает проповедник.

Все встают.

— Я с вами!— вырывается у Беруни.

— Нет. Твое время еще не пришло, брат,— Гариб-наджар обнимает Мухаммада.— Ну, прощай! Иди...

— Да благословит тебя аллах, Гариб!

\* \* \*

Тесным кольцом обложили шахские войска замок Кала-и Сафид. Несколько раз хо-



дили на приступ, но были отброшены с уроном. Однако среди восставших оказался предатель: темной ночью он сбросил со стены аркан. Шахские воины тайком взобрались на стену и, перебив охрану, распахнули ворота. Закипел ожесточенный бой. Часть повстанцев вырвалась из крепости и ушла.

На рассвете два всадника привезли домой израненного Гариба. Вот когда понадобились знания, полученные Мухаммадом у румийского лекаря! Беруни перевязал плотнику раны и напоил лекарственным снадобьем.

А через несколько дней на площади перед шахским дворцом казнили захваченных в плен вожаков повстанцев.

Гариб-наджар стал уже поправляться, когда в его дом ворвались воины. Осыпая плотника ударами, они потащили его в тюрьму.

Беруни поспешил во дворец ал-Ираки. Абу Наср принял его в Зеленой палате. Правая рука вельможи была перевязана и висела на сафьяновом ремешке, переброшенном через шею.

Перехватив взгляд Беруни, Абу Наср заметил:

— Стрела угодила.

— Господин, Гариб-наджара в тюрьму забрали!— с волнением проговорил Беруни.

— А кто он такой?

— Сосед наш. Добрый человек. Пришли воины и забрали его. Помогите!

— В чем он провинился?— добродушно спросил Ираки.

— Господин, он был в Кала-и Сафид.  
Вельможа яростно выпрямился.

— Что-о-о! Чтобы я спасал от заслуженной кары воров и вероотступников? Да как ты посмел меня просить?!

— Но ведь они желали добра людям, хотели уничтожить зло и насилие. Разве это справедливо, что одни купаются в золоте, а другие умирают с голода!

Лицо вельможи стало надменным и жестоким.

— Значит, я должен раздать этой жадной и завистливой черни владения ал-Ираки, а сам остаться нищим? Нет!

От резкого движения раненой рукой Абу-Наср охнул и поморщился.

— Когда мы ворвались в Кала-и Сафид, я был впереди. И так поступил бы любой, защищая свое добро от разбойников. Лев не уступит добычу шакалам.

Ошеломленный Беруни с изумлением смотрел на вельможу: неужели это тот самый Ираки, который прославил свое имя среди мужей науки!

— А эти карматские бредни выбрось из головы, а то и сам угодишь в руки палача. Аллах дал одним людям бедность, другим — богатство. На то его воля, велик он и справедлив.

Абу Наср сел на ковер и откинулся на подушки.

— Господин, помогите!— умоляюще сказал Беруни.

— Ступай!

По узким улицам бируна устало бредет человек. Уныло моросит дождь, чавкает под ногами раскисшая земля. Намокшие одежды давят на плечи.

Мухаммад вытирает мокрое лицо. Что это, дождь или слезы? В ушах звучит холодный, надменный голос Абу Насра, перед глазами — жестокое, непреклонное лицо вельможи.

Кончилось детство. Оно ушло навсегда, унося с собой наивную веру в доброту и справедливость сильных мира сего. Исчезло преклонение перед мудрым, великодушным Абу Насром, спасителем и наставником.

Как сложна, как противоречива жизнь! Человек спас Мухаммада от смерти, открыл ему пути к познанию. Так почему же он обирает нищих издольщиков, которые своим трудом создают его богатства?

— Это порядок от аллаха!— говорит Абу Наср.

У Мухаммада кружится голова, земля под ногами плывет в сторону. Покачнувшись, он ухватился рукой за мокрую ветку. Перед глазами туман. Нет, это не туман. Это кровь и огонь пожарищ. Мухаммад слышит человеческие стоны и вопли. Мечутся воины с окровавленными мечами... Это Кала-и Сафид.

— А-а-а!— кричит Беруни и падает...

— Гляди, человек! Неужто убили!— стражники с факелами наклоняются над распростертым на дороге телом,

— Живой... Эй, парень, что с тобой?

В ответ раздаются бессвязные, непонятные возгласы.

— Джинни! Одержимый!— пьются один из стражников.

— Да нет, видать, лихорадка... Бредит бедняга,— сочувственно замечает другой стражник. — Постой... Ведь я его знаю. Это сын вдовы, они недалеко живут.

— Надо помочь правоверному, не то помрет на дороге. Ну-ка, помоги!

— Господин, Мухаммад заболел! Лежит дома и не встает,— воин озабоченно смотрит на Абу Насра.

— Ну, что там случилось?— с досадой спрашивает вельможа.

— Не ведаю, господин, только он бредит и никого не узнает! Мать сидит возле него и плачет. Боится, умрет...

Абу Наср задумался. Он вдруг понял, что привязался к Мухаммаду. Пусто и неприятно станет без молодого помощника. Кто разделит с Абу Насром ночное небо и сверкающие звезды над башней, кто будет помогать в трудах, кому он передаст свои знания? Сыновьям? Они никогда не понимали его и не поймут. «К чему человеку наука, если он знатен и богат?— посмеиваются они.— Ночи, проведенные среди веселых друзей или в объятиях красавиц, куда приятнее, чем glance на звезды».

— Вот что!— решительно говорит Ира-

ки.— Привезите сюда Мухаммада вместе с матерью...

«Да,— продолжал размышлять Абу Наср,— мне он нужен — этот юноша. Значит, надо привязать его к себе, сделать верным слугой... Верным и благодарным... Именно благодарным — вот основа преданности простых людей. Но как это лучше сделать? Ах, да он же просил за своего соседа, кажется, плотника. Ну что ж, проявим милосердие. Кстати, это успокоит народ. Толпа забудет сто казненных, но будет помнить одного помилованного. И что простил его великодушный и милосердный Абу Наср Мансур ал-Ираки...»

Усердно хлопочет Шахрияр возле больного Беруни. Делает ему кровопускания, ставит банки на грудь. Поит настоем фиалки с горячей водой и медом, ячменным соком и другими снадобьями. А чтобы укрепить силы, дает сладкого подогретого вина.

Несколько раз заходил Абу Наср. Мать бросалась ему в ноги, призывая на него благословения аллаха: «Да будет она жертвой за доброго и великодушного господина: ведь он спас ее сыночка».

Болезнь пошла на убыль. Медленно поправлялся Беруни. И когда пришел он наконец в сознание, то с горечью спросил мать: что стало с Гариб-наджаром. «Помиловал его наш господин! — радостно ответила мать. — Весь народ на площади ликовал».

Наконец наступил день, когда выздоравливающему разрешили выходить на айван.

Сверкал под солнцем чистый, с синеватым отливом снег. С крыш свисали блестящие сосульки. Мухаммад жадно вдыхал свежий, бодрящий воздух. С непривычки кружилась голова.

Громадный воин, что спасал однажды юношу от толпы, остановился у айвана, широко улыбнулся:

— А, молодец! Уже ходишь?

— Хвала всевышнему.

— Значит, еще поживем! Поправляйся быстрее. Я тебя из лука стрелять обучу. Джигитом будешь!

— Спасибо, Акташ.

— Пойдем-ка, сынок. Пойдем,— прервала мать их разговор.

\* \* \*

Прошло несколько недель. Мухаммад заметно окреп и поздоровел. Все это время Абу Наср не появлялся в замке.

Но однажды под вечер он возвратился в сопровождении толпы разодетых всадников и воинов охраны.

На следующее утро к Мухаммаду заявился взволнованный Акташ.

— Пойдем скорее! Там... У-ф-ф! Хозяин и его родня. Все собрались! Тебя требуют!

И вот оторопевший и растерянный Мухаммад стоит посреди Зеленой палаты. Со своего места встает Абу Наср.

— Отцы мои, братья и сыновья!— торжественно начинает вельможа.— Выслушайте меня!

В зале наступает тишина.

— Смотрите, вот перед вами человек, о котором я вам говорил. Дважды всемогущему аллаху угодно было сделать меня пособником своего милосердия. Дважды моей рукой избавил он этого юношу от гибели. Теперь этот юноша связан со славным родом ал-Ираки узами жизни и смерти. Само небо указывает нам, что юноша должен стать под защиту нашего рода, служить у нашего стремени. Да будет могущество рода ал-Ираки простерто над этим человеком и да будет милость аллаха наградой, да процветает под сенью его милостей славный род ал-Ираки!

— Да будет!— раздается нестройный хор голосов.

— Слушай, о Мухаммад! Отныне ты воспитанник рода ал-Ираки, а это,— Абу Наср повел рукой вокруг себя,— твои отцы и старшие братья. Отныне любой, поднявший руку на тебя, становится врагом ал-Ираки. Отныне ты должен служить этому роду, как служил бы своему отцу и братьям. До последнего дыхания защищай его, до последней капли крови... И страшись, больше смерти страшись опозорить имя нашего рода недостойным поступком!

Потрясенный Беруни молча слушал речь Абу Насра. Как это может в одном человеке сочетаться добро и зло, жестокость и благородство? Мухаммада усадили в дальнем конце праздничного дастархана, где сидели младшие родственники и вольноотпущенники рода ал-Ираки.

Началось пиршество.

Утром Абу Наср вызвал юношу.

— Теперь будешь жить у меня. И ты, и твоя мать.

— Слушаю и повинуюсь...

С печалью и сожалением переступил Беруни в последний раз порог своего дома. Вдруг во дворе послышались шаги. Юноша выглянул в дверь и бросился во двор.

— Гариб-наджар!

— Мухаммад!

— Спасибо, брат! — плотник крепко обнял юношу.

— Это не я, — покачал головой Мухаммад. — Это мой господин.

— Не верю я господам, — нахмурился Гариб-наджар. — На площади, перед народом, простили, а в тюрьме плетью ободрали спину. Ну да ладно! Я слышал, что ты уходишь к этим, ал-Ираки. Что ж, иди. Но помни, что ты — наш, из бируна. Ты вернешься, я знаю. Мы будем ждать... И еще... Враги написали о нас горы лжи и подлости. Расскажи правду. Обещай мне, брат!

— Твои слова у меня в сердце, Гариб!

— Прощай, Мухаммад!

— Прощай...

\* \* \*

Беруни выполнил обещание: он написал книгу «О людях в белых одеждах», где поведал всю истину о карматах. Жизнь показала, что прощальные слова Гариба оказались правдой: Беруни навсегда остался сыном народа.



# Во дворце

„Под сенью милости я шел  
вверх ступенями почета“.

„Случились распри меж  
знатных людей Хорезма,  
что заставило  
оставить занятия,  
прибегнуть к укрытию, искать  
убежища и удалиться  
из Родины на чужбину“.

Абу Райхан ал-Беруни



---

садники мчатся по дороге, вскрикивая и горяча коней. Поворот, и вот уже показались впереди высокие крепостные башни.

Возле ворот теснится народ: близок час вечерней молитвы. Кому надо в город — поторапливайся!

— Ну, Акташ, кто кого?! — оборачивается юноша, осадив коня.

— Что верно, то верно, — отвечает старый вояка, утирая лицо, — ты быстрее. А вспомни, как ты первый раз на коня садился. Слуги немало потешились... А сейчас не каждый джигит за тобой угонится.

— Поспешим, Акташ! Опоздаем, наставник будет недоволен. Сегодня ночью взойдет звезда Сухейль: будем делать измерения.

Вот и усадьба ал-Ираки. Соскочив с коня, Беруни бросил поводья Акташу и побежал к башне.

Запахнув теплый халат, Абу Наср молча любовался закатом. По небу неторопливо плыли серебристые облака с золотой каемкой. Они громоздились друг на друга, сталкивались и меняли очертания. Вон всадник на коне. А навстречу ему лениво дви-

жется сказочный зверь, с хвостом рыбы и головой тигра. Вот они сшиблись и все исчезло...

В проеме показалось лицо Беруни.

— Я не опоздал, наставник?

— Нет, Мухаммад, не опоздал. Гляди, как красиво сегодня небо... Скоро она появится.

— Сухейль?

— Да. Расчеты захватил?

— Вот они, наставник.

Присев на кошму, юноша зажег светильник на три фитиля.

Стемнело. Дрожащие огоньки чирага выхватывают из мрака столик на низких ножках, листы бумаги, каламдон и приборы для наблюдения за звездами.

— Гляди-ка, вот она! — протянул руку Абу Наср.

Далеко за Джейхуном, на краю земли и неба, мерцала большая красивая звезда.

— Да, учитель, это — Сухейль! Можно начинать измерения...

Абу Наср переводит взгляд на Беруни. Юноша еще, а уже справляется со сложнейшими измерениями и производит расчеты с безупречной точностью. Незаметно основная тяжесть работы над книгой, которую задумал Абу Наср, легла на плечи Мухаммада. Беруни понимает это и гордится доверием наставника.

В глубине души Абу Наср завидует молодости и увлеченности своего воспитанника. Сам он никогда не смог бы жить одной нау-

кой. Он из рода воинов и господ, из древнего рода ал-Ираки!

Беруни — другое дело. Для него в науке — смысл жизни. И занимаясь с Беруни, Абу Наср заражался от него неистовой увлеченностью и вместе с ним переживал ни с чем не сравнимую радость познания.

93

Но проходили дни, и Абу Наср охладевал к научным занятиям. Тогда работу над книгой продолжал один Мухаммад.

В последнее время ал-Ираки занимала жестокая дворцовая распря между великим вазиром и начальником дворцовой стражи. Двор разделился на две враждующие стороны. Молодой правитель Хорезма пока ни о чем не догадывается: он больше занят охотой да молоденькими танцовщицами.

Абу Наср имел большое влияние на своего царственного племянника, и дальновидный вазир это прекрасно понимал. Всеми силами пытался он привлечь на свою сторону ученого вельможу. После некоторых колебаний Абу Наср присоединился к вазиру.

Вдвоем они наконец повергли своего врага: начальника дворцовой стражи обвинили в измене. Через несколько дней голову «изменника» выставили на базарной площади.

Влияние великого вазира и его союзника на правителя страны стало безграничным. Молодой хорезмшах и шагу не делал без совета своего дяди и главного вазира.

Приближалась весна. Беруни и Абу Наср ждали ее с нетерпением: в день Весеннего равноденствия они измеряют полуденную вы-

соту солнца, а там пора и книгу завершать. Но недели за три до равноденствия вельможу срочно вызвали к повелителю Хорезма. Там уже сидел великий вазир.

— Нечестивые гузы нападают на пограничные селения, грабят и уводят в рабство наших людей. Доколе будем терпеть! — возвысил голос хорезмшах. — Пора привести их к покорности. Я сам возглавлю поход!

— Они многочисленны, как муравьи, а дома их на колесах. Трудно поймать грузов, — осторожно молвил вазир. — Чтобы раздавить их, нужно много войска... Лучше бы миром договориться.

Властитель Хорезма обидчиво вспыхнул.

— Великий вазир прав, — поспешил Абу Наср на выручку своему другу, — нужно отправить посольство и заключить договор.

— Вот вы сами и поезжайте, — бросил хорезмшах. — Никто лучше вас не сможет!

— Как будет угодно государю, — растерянно поклонился Абу Наср, не ожидавший такого исхода.

Возвратившись во дворец, Абу Наср начал собираться в дорогу. Раздосадованный вельможа посетовал Беруни, что теперь книга задержится не меньше, чем на год.

— Почему же, наставник? — удивился Беруни.

— Но я же не успею вернуться ко дню Весеннего равноденствия!

— Прикажите, о наставник! — горячо произнес Мухаммад.

— Один? — с сомнением сказал Абу

Наср. — Нет, боюсь, не справишься. Измерения должны быть точными, иначе — позор на мою голову перед всем ученым миром.

— Как будет угодно наставнику, — уныло ответил юноша.

Через несколько дней посольство с караваном подарков и большой охраной покинуло древнюю столицу Хорезма.

С высокой башни во дворце смотрел Беруни вслед каравану, идущему в привольные восточные степи.

— Я могу сделать измерения в день Весеннего равноденствия. Я докажу это! — словно клятву прошептал юноша.

\* \* \*

Приближалось время Весеннего равноденствия. Прежде всего, надо было точно установить момент равноденствия, а потом уж измерять полуденную высоту солнца. Для своих вычислений Беруни использовал «Зидж-и Хаббаш ал-Хасиб» — астрономические таблицы, составленные в Багдаде.

Несколько дней Мухаммад возился с расчетами, проверял их и перепроверял, пока наконец с облегчением не отложил калам: время измерения было установлено. Теперь оставалось только приготовить приборы на башне и ждать.

Однако ожиданиям Беруни не суждено было сбыться: приехал управляющий поместьями Абу Насра и велел юноше собираться в дорогу.

— Куда? — недоумевал Беруни.

— Для отца нашего господина строят усыпальницу, а при ней — мечеть. Надо точно высчитать направление на киблу, чтобы молящиеся были обращены лицом к Мекке. Захвати с собой инструменты, чтобы сделать измерения.

— Но ведь я хотел установить полуденную высоту солнца в день Весеннего равноденствия...

— Не знаю. В письме хозяина об этом не сказано. Собирайся. Завтра на рассвете отправимся в путь.

Беруни начал укладывать дорожную сумку. Прежде всего положил туда свои расчеты и прибор для определения высоты солнца. Он твердо решил сделать измерения в день Весеннего равноденствия, чего бы это ни стоило. Времени оставалось два дня.

Рано утром они были в пути. Кончился бирун, потянулись вдоль дороги убогие мазанки бедняков-издольщиков.

Они свернули с главной дороги. Теперь их путь пролегал среди полей, виноградников и садов. Дорога петляла между дувалами, окружавшими загородные дома и сады богачей.

Вскоре они уперлись в высокие ворота.

— Приехали! — сказал управляющий.

Взяв коней под уздцы, они вошли во двор.

Эта загородная усадьба еще недавно принадлежала купцу, и Абу Наср приобрел ее за четыре тысячи дирхемов. Здесь, в уединенном месте, в тени старых деревьев, на возвы-



шенности, откуда был виден широкий Джейхун, решил Абу Наср построить родовую усыпальницу.

Вельможа обратился к знаменитому строителю усто Хисамеддину Самарканди. Через полтора месяца усто принес чертежи с изображением будущей усыпальницы. Абу Насру понравился замысел строителя.

97

Прибывших встретил сам усто Хисамеддин.

— Добро пожаловать, усто Мухаммад!— обратился он к Беруни, как к равному.

Юноша с подчеркнутым почтением ответил на приветствие.

Усто Хисамеддин и его ученики переносили очертания усыпальницы с бумаги на землю. Забивали колышки, натягивали между ними веревки. Усто охотно рассказывал Мухаммаду о премудростях своего дела.

— Вот смотрите, — объяснял он юноше, — на бумаге это один исба, то есть ширина пальца, а на земле это будет два зира или пятьдесят исба. Если здание очень большое, тогда исба можно приравнять к четырем зира, а то и больше... Обычно мы делаем чертеж здания на бумаге, но, если надо, можно сделать совсем как настоящее...

Беруни начал измерения, чтобы определить киблу, но до конца дня не управился. Вечером они сидели возле костра, подбрасывая сырые ветки, чтобы разогнать мошкарку. Мухаммад поведал Хисамеддину о том, что завтра день Весеннего равноденствия, и поделился своими замыслами.

— Да ниспошет аллах удачу!— ответил доброжелательный Хисамеддин.

На следующее утро Мухаммад выбрал удобную площадку и приготовился к измерениям.

— Смотри, как старается,— довольно сказал управляющий Хисамеддину.— Не легкое, видно, дело — киблу определять?

Прославленный строитель спрятал улыбку в густой бороде:

— Да, не легкое...

Через несколько дней Беруни уезжал в столицу. Прощаясь, Хисамеддин объяснил ему, как найти его дом в Кяте.

— Заходите в гости, усто Беруни, если что понадобится. Да и нам от вас польза: ведь в науке исчисления мало кто с вами сравнится. Есть у меня одна задача... Если ее решить, можно будет намного упростить расчеты.

— Хорошо, я посмотрю,— пообещал Беруни.

Вернувшись во дворец Абу Насра, Мухаммад забрался на башню и там, в тишине, на бело переписал все расчеты. Беруни торжествовал: он добился своего и определил полуденную высоту солнца в день Весеннего равноденствия.

И снова потянулись будни. Каждый день Беруни работал над книгой, поднимался на башню и делал новые измерения.

Однажды к нему зашел ученик Хисамеддина. Он сказал, что его учитель приехал в Кят и приглашает усто Беруни в гости.

Мухаммад приделся, и они отправились к дому прославленного строителя.

После угощения они отдыхали в саду, и разговор зашел о науке исчисления. Хисамеддин напомнил Беруни о задаче, которая очень помогла бы строителям в расчетах.

— Покажите-ка мне эту задачу!— заинтересовался Беруни.

Задача и впрямь оказалась трудной, однако к вечеру Беруни уже представлял себе ход ее решения. Переночевав у Хисамеддина, он с утра принялся за работу и до полудня решил задачу. Переписав решение, он показал его Хисамеддину. Почтенный строитель весьма обрадовался, приготовил плов и устроил угощение, усадив Беруни на почетное место. А среди ночи Мухаммада разбудил шум голосов и ржание лошадей. Одевшись, он вышел во двор, залитый светом факелов.

— Что случилось?

— Хозяин вернулся!

Рано утром Абу Наср уехал во дворец.

Вернулся к вечеру. Степное путешествие пошло ему на пользу: он загорел и посвежел.

— Ну, как ты без меня? Отдыхал, на охоту ездил? А это что?— спросил Абу Наср, заметив в руках Мухаммада свернутый лист бумаги.

— Это — вам, наставник.

— Ну-ка, покажи!

Торжествующий Беруни протянул расчеты и переписанные итоги измерений, выполненных в день Весеннего равноденствия.

— Сам справился? Ну рассказывай, как производил измерения!

— Сначала время для этого вычислил по «Зиджу Хаббаша ал-Хасиба», а потом измерил высоту солнца, как вы учили.

Абу Наср с уважением посмотрел на Беруни.

— Вот что: кончим книгу — отведу тебя во дворец, — решительно сказал он.

\* \* \*

Наступило время, когда книга была закончена и переплетена в темно-синий сафьян с золотыми звездами.

Был назначен день подношения книги. После утренней молитвы Абу Наср с Мухаммадом в сопровождении слуг и телохранителей отправились во дворец.

Во дворе шахского замка вдоль стен, украшенных кружевом резного алебастра, толпились разнаряженные царедворцы. Шуршали и переливались всеми цветами радуги шелка, ослепительно блестело золотое шитье и украшения, сверкали голубыми, малиновыми, зелеными искрами драгоценности.

Увидев Абу Насра, вельможи почтительно расступились и пропустили его к разукрашенной тонкой резьбой и позолотой двери, которая вела во внутренний дворик.

Дворцовые гулямы скрестили копыя перед Мухаммадом.

— Со мной, — бросил Абу Наср на ходу. Гулямы освободили дорогу.

И вот Беруни во внутреннем дворике. В дальнем его конце, в тени высокого айвана, убранного дорогими коврами и сюзане, расположились на подушках старик и юноша. Это был повелитель Хорезма: Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад и его великий вазир.

За несколько шагов до айвана Абу Наср шепотом велел Мухаммаду опуститься на колени, а сам взшел на возвышение и склонился в низком поклоне. Милостиво поздоровавшись, хорезмшах разрешил ему сесть и с недоумением взглянул на Беруни.

Тогда Абу Наср поднялся и с поклоном вручил Абу Абдаллаху темно-синюю с золотыми блестками книгу. Хорезмшах с интересом стал ее разглядывать. Наконец его внимание снова обратилось на Мухаммада, застывшего в смиренной позе у айвана.

— Встань и подойди! — прозвучал голос хорезмшаха. — Мудрый Абу Наср сказал о тебе много хорошего... Жалую тебя дворцовым звездочетом. Отныне будешь служить мне.

Неумело кланясь, Беруни произнес слова благодарности. Так началась для него дворцовая жизнь.

Абу Абдаллах питал склонность к науке исчисления, поэтому к занятиям нового звездочета относился с интересом. Бывало даже, что он вызывал к себе Беруни, чтобы вместе разобраться в сложной задаче. Впрочем, большую часть времени Мухаммад был предоставлен самому себе и с радостью предавался научным занятиям.

Просторная светлая комната Беруни находилась в дальней части дворца. Здесь, в тишине и прохладе, он неустанно трудился над книгами и рукописями. В довершение всех благ Беруни получил доступ в книгохранилище, занимавшее особую пристройку во дворе шахского замка.

Незаметно бежали дни. За эти годы Беруни написал несколько книг по астрономии и математике, его книги изучали и переписывали. Стали приходить письма от крупнейших ученых Востока.

Однажды купец из Рея передал Беруни письмо от знаменитого Абу Махмуда ал-Ходженди, изобретателя несравненного «Фахриева секстанта». Великий ал-Ходженди обращался к нему, как к равному. Это означало признание.

Наступил 384 год хиджры\*. Беруни встретил свою двадцать первую весну. Однажды во время большой шахской охоты Мухаммад обратил внимание на высокий холм с гладкой ровной вершиной. Он возвышался посреди селения Бушканз на левом берегу Джейхуна.

Улучив минуту, Беруни подъехал к хорезмшаху и, указав на возвышенность, сказал ему, что лучшего места для наблюдений за светилами не найти.

— Быть по-твоему, — изрек повелитель. — Ты рассказывал, что хочешь построить круг для измерений. Вот здесь и постройшь. Сколько денег понадобится?

\* 384 год хиджры соответствует 994 году.

— Не знаю, — растерялся Беруни. — Я считаю...

— Вернемся с охоты, напомнишь.

— Слушаю и повинуюсь.

Беруни не спеша поехал в сторону холма. Лошадь осторожно взбиралась по узкой крутой тропинке. Внизу серели плоские глиняные крыши домов, зеленели свежей листвой деревья, рябила, поблескивая, вода в арыках.

Вот и вершина. Соскочив с коня, Беруни огляделся. Земля под ногами была усыпана черепками. На одном из них было оттиснуто изображение человека в короне с крыльями по бокам. Между крыльев, словно алмаз, поблескивала капелька росы.

Побродив по вершине, Мухаммад выбрал ровное место, на котором можно будет построить круг для измерений, потом поймал коня и спустился вниз.

Беруни сделал нужные расчеты и вычисления, потом поехал к Хисамеддину, который помог ему нанять опытных ремесленников, и через неделю круг диаметром в пятнадцать локтей, расположенный точно в плоскости горизонта, был готов.

Мухаммад с головой ушел в работу. Он измерил по самой короткой тени наибольшую высоту солнца. Потом, в тот же день, получил величину тени, когда она достигла равноденствия.

Ночью он обработал дневные измерения, а затем, исходя из расчетов, вычислил наклонение плоскости эклиптики к экватору. Оно со-

ставляло двадцать три градуса тридцать пять минут сорок пять секунд. Еще через несколько дней Мухаммад определил широту Бушканза, которая составила сорок один градус тридцать шесть минут.

Несколько лет назад, перечитывая труды знаменитого Батлабийуса\*, Беруни натолкнулся на описание одного интересного приспособления. Это был большой шар, представлявший изображение земли. На шар можно было нанести сетку из меридианов и параллелей, а затем — отдельные страны и города.

«А ведь если сделать точные расчеты долготы и широты разных городов и нанести их на шар, то можно высчитывать между ними расстояния, не сходя с места и не совершая длительных путешествий», — подумал Беруни.

Во время занятий с повелителем Хорезма Беруни поделился с ним своими замыслами. Абу Абдаллах заинтересовался и велел начальнику дворцового дивана выделить средства на постройку удивительного изобретения человеческого разума.

Мухаммад с головой окунулся в подготовительные вычисления. По подсчетам ученых прошлого, диаметр земли составлял 2.100 фарсахов. Если взять диаметр шара равным 10 хорезмским локтям, а это — одна тысячная фарсаха, то он будет относиться к диаметру земли как единица относится к двум тысячам

---

\* Так арабы называли Клавдия Птолемея (90—168 гг. нашей эры), замечательного греческого астронома.



ста, помноженным на тысячу. Тогда один исба на поверхности шара будет составлять на местности два раза по тысяче и еще сто тысяч исба или восемьдесят четыре тысячи локтей, или восемь и две пятых фарсаха. Расстояние между Кятом и замком Кала-и Сафид составляет четыре и одну пятую фарсаха — полдня пути, — а на шаре это будет всего лишь половина исба!

Сначала Беруни хотел построить целый шар, но это было трудно, и он решил ограничиться лишь северным полушарием.

По приказу хорезмшаха со всей столицы собрали лучших ремесленников. Целый месяц трудились они, выполняя указания усто Беруни. Наконец удивительное приспособление было готово. Беруни нанес на него параллели и меридианы. Определил точное местонахождение Кята, изобразил Джейхун, города и селения Хорезма.

Затем Беруни показал хорезмшаху, как действует полушарие. Повелитель Хорезма называл город, расстояние до которого от Кята желал узнать. Мухаммад с помощью зиджей и сложных вычислений находил долготу и широту города, определял его расположение на шаре и устанавливал расстояние. Абу Абдаллах веселился и радовался. Он перед всеми восхвалял Беруни, а заодно и себя, подарил ему шитый золотом халат, сто динаров и невольницу.

— Мы создали новое чудо света! — похвалялся повелитель Хорезма.

Несколько недель хорезмшах не мог нара-

доваться новой забаве. Затем поостыл к ней и уехал на охоту.

Абу Наср ал-Ираки долго и придирчиво проверял расчеты, потом сам делал измерения на шаре и в конце концов обнял Беруни, назвав любимым учеником и своей гордостью.

Через несколько месяцев Абу Райхан получил письмо от Абу Махмуда ал-Ходженди с просьбой прислать расчеты и подробное описание шара. Беруни незамедлительно ответил и передал письмо Рузбеху сыну Кавада, управляющему с купеческим караваном в Рей.

\* \* \*

А тем временем далеко от границ Хорезма, в древней Бухаре, уже назревали события, которым суждено было прервать научные занятия Абу Райхана. Приближалась новая полоса в жизни ученого: годы странствий вдали от родины.

Все началось после того, как властитель некогда могущественного государства Саманидов Нух ибн Мансур назначил правителем Хорасана своего военачальника Абу Али ибн Симджур. Честолюбивый Ибн Симджур решил овладеть Хорасаном навсегда. Для осуществления своих замыслов Ибн Симджур нужен был союзник. И вот взоры нового наместника Хорасана обратились на восток, туда, где в далеком Баласагуне сидел глава многочисленных кочевых орд воинственный тюрок Богра-хан.

Под видом купца в Баласагун ушел дове-

ренный человек нового наместника. Он рассказывал хану о бесценных сокровищах, накопленных в Бухаре, и о слабости ее войска.

— Нужно только руку протянуть...— увещал посланец хорасанского наместника.— А Ибн Симджур помогать Бухаре не станет.

Между тем Ибн Симджур поведал о своих замыслах другому полководцу бухарского эмира — Фаику. Фаик был храбрым и способным военачальником, но плохим слугой Саманидов. По замыслу Ибн Симджура, Фаик должен был умышленно проиграть сражение тюркам. Об этом поставили в известность Богра-хана.

Осмелевший хан двинул свои войска на Бухару. Властитель Бухары опасался измены со стороны Фаика, и поэтому против тюрков был послан Хаджиб Аяч. Богра-хан не ожидал такого оборота, однако отступать было поздно... Произошло сражение. Аяч был взят в плен, а войско его разгромлено.

Теперь спасти Бухару мог только Фаик. Эмир Бухары поставил его во главе нового войска и отправил в Самарканд. Фаик проиграл сражение. Богра-хан захватил Бухару и ее сокровища.

Нух ибн Мансур бежал к границам Хорезма и начал собирать войско. Хорезмшах помог ему воинами. В благодарность владетель Бухары подарил хорезмшаху Абиверд, однако Ибн Симджур наотрез отказался уступить город. Властитель Хорезма во всеуслышание поклялся отомстить Ибн Симджuru.

Прошло около трех лет. Раздираемое междоусобными войнами, государство Саманидов доживало последние дни. Ибн Симджур и Фаик снова подняли восстание.

Однажды хорезмшах и Беруни занимались наукой исчисления. Словно старательный ученик, Абу Абдаллах морщил лоб, грыз калам и делал торопливые записи на тонком листе самаркандской бумаги. Беруни следил за вычислениями, поправляя ошибки.

Неслышной походкой проскользнул великий вазир.

— Важные вести! — осторожно сказал он, покосившись на Беруни.

— Говори! — приказал хорезмшах.

— Себук-тегин и его сын Махмуд Газневи разгромили Ибн Симджура и Фаика. Ибн Симджур хочет прибегнуть к защите Мамуна, правителя Гурганджа. Через неделю он будет возле Хазараспа!

Резко вскочив, Абу Абдаллах опрокинул столик. Скомкав листок с вычислениями, отшвырнул его в сторону.

— Хвала аллаху! Теперь уж Симджур не уйдет. Я ему приготовлю встречу в Хазараспе!

На следующий день повелитель Хорезма выступил к Хазараспу, ведя за собой полторы тысячи воинов.

Когда изнуренные переходом по пескам воины Ибн Симджура показали на окраинах Хазараспа, на них внезапно напали всадники хорезмшаха. Порубили, потоптали, рассеяли в песках остатки войска Симджура. Самого Симджура приволок на аркане дюжий сотник.

С победой вернулся Абу Абдаллах в стольный город Кят. Однако дни самого победителя были сочтены.

Владетели Гурганджа — давние соперники Кята. Не раз оспаривали они у древней столицы право на верховную власть над Хорезмом. Ждал своего времени и нынешний владетель Гурганджа, Мамун ибн Мухаммад. Теперь у него появился повод для войны: ведь он обещал Ибн Симджурю покровительство и защиту! Оставалось только выждать удобное время. Оно не замедлило представиться: владетель Бухары попросил у хорезмшаха помощь, и тот послал ему своих воинов. Узнав об этом, Мамун ибн Мухаммад выступил в поход. Поредевшее войско Абу Абдаллаха заперлось в столице.

С высокой крепостной стены смотрел Беруни на гарцевавших внизу воинов Гурганджа.

— Усто Беруни, усто Беруни! — услышал он крики дворцовой стражи. — Повелитель Хорезма повсюду вас ищет!

— А где он?

— Вон там, на башне.

Беруни поспешил к угловой башне.

— Надо построить камнеметы! Сможешь? — бросил ему Абу Абдаллах, окруженный военачальниками.

— Постараюсь...

— Ступай вниз — собирай людей! Возьмешь из казны все, что понадобится!

Абу Абдаллах считал, что без труда продержится до подхода войска, ушедшего на Бу-

хару. А тогда они ударят с двух сторон и раздавят наконец эту змею из Гурганджа!

Однако все обернулось иначе. Вот когда проросли семена, посеянные распрей между великим вазиром, Абу Насром и начальником дворцовой стражи. Друзья и сторонники казненного затаились и только ждали случая, чтобы отомстить.

Глухой ночью заговорщики перебили охрану и открыли крепостные ворота. Снаружи, притаившись, ждали воины Гурганджа, предупрежденные об измене.

Закипел бой. На рассвете все было кончено: связанного, окровавленного Абу Абдаллаха бросили к ногам Мамуна.

Через несколько дней последнего повелителя Кята увезли в Гургандж и там казнили на дворцовой площади. Столица Хорезма навсегда перешла в Гургандж, а Мамун стал гордо именовать себя хорезмшахом.

Заговорщики убили великого вазира, и, не найдя Абу Насра, разграбили и сожгли его дворец. Они повсюду разыскивали Беруни, но Мухаммада уже не было в городе.

Путь молодого ученого лежал в Рей. Там, у великого Абу Махмуда ал-Ходженди, надеялся найти он помощь и поддержку. Начались годы скитаний, годы жизни на чужбине...

**Р Е Й**

**„Несколько лет  
не устанавливался для меня  
покой, пока время  
не сжалилось и бури  
улеглись. И было у меня  
отвращение из-за  
превратности судьбы“.**

**Абу Райхан ал-Беруни**





лавен и богат город Рей. Высоки и неприступны его стены. А внутри, над плоскими земляными крышами, высятся громады дворцов и мечетей.

Огромный шахский замок угрюмо смотрит узкими бойницами на шумящую внизу толпу, заполнившую Большой майдан. В середине майдана торчит виселица — на страх и в поучение подданным шаха.

Бурлит на площади шумная и многоликая толпа, бойко идет торговля. Радуют взор разноцветные ткани и ковры. Степенные хорасанцы предлагают чеканную сбрую, оружие. Под широкими навесами продают домашнюю утварь, меха, благовония. Всего не счесть!

Лавки высыпают за пределы майдана, теснятся по сторонам узеньких, кривых улиц. Чем дальше от майдана, тем тише и пустынное. Лишь изредка проскользнет закутанная в покрывало женщина да неспешно прошагает, задумчиво заложив руки за спину, богатый горожанин в халате и чалме. Время от времени покой затаившихся улочек нарушают голодные собаки, передравшиеся возле мусорной кучи. И так до следующей базарной площади,

где снова шум и гам, расточительная щедрость красок да дразнящие запахи харчевен.

В один из таких дней у северных городских ворот остановился караван. Брякнув бронзовыми колокольцами, улеглись верблюды, спешили всадники.

Появился начальник стражи, начался допрос и взимание торговой пошлины.

— Чьи вьюки? — важно спросил начальник.

— Мои, высокий господин, если будет угодно аллаху!

— Хм-гм... А что везешь?

— Да по бедности нашей разные мелкие товары, — поклонился Рузбех сын Кавада. — Тысячи на четыре дирхемов...

— На чет-ы-ре? — недоверчиво протянул начальник. — А ну-ка развязывай, посмотрим!

— Стоит ли высокому господину утруждать себя? — заискивающе сказал купец, протягивая несколько золотых динаров.

— Ну ладно, — смягчился начальник стражи. — Если на четыре, то пошлины сорок дирхемов.

— Как же, как же, знаем!

Тем временем сборщик пошлины перешел к другому купцу, но тот, видно, заартачился или дал мало. Начальник стражи велел ему развязать вьюки и показать товары.

— Вот так всегда: сбережешь на малом — потеряешь на большом, — назидательно изрек Рузбех.

Вот они и в Рее... Величаво выступают верблюды по тихой, словно вымершей, улоч-

ке. Пыль, жара... Издалека долетает приглушенный шум базаров.

— Куда же теперь, усто Беруни? — обернулся купец к молчаливому всаднику.

— Аллах велик...

— Вот, возьмите-ка.

— Что это?

— Здесь сто пятьдесят дирхемов. Я их только что заработал.

— Как?!

— Товаров-то у меня на двадцать две тысячи, — доверительно сообщил Рузбех, — вот и считайте, сколько мне осталось. Так что берите... Чем пошлину платить, лучше уж вам отдать.

— Спасибо, Рузбех, только я не возьму: вы и так для меня много сделали.

— Берите, берите! В долг даю. Вернете, когда сможете...

Распроставшись с Рузбехом, Беруни поехал в сторону шахского замка. Остановившись у подвесного моста, перекинутого через ров, Беруни обратился к страже и попросил вызвать усто Абу Махмуда ал-Ходженди.

— Даром и петух кричать не станет, — намекнул начальник караула и выжидающе уставился на чужеземца.

Беруни протянул ему дирхем. Лишь после этого десятник крикнул одному из воинов:

— Сбегай за господином звездочетом!

— А если спросят, кто зовет?

— Да, если спросят? — обернулся десятник.

— Скажи, что Абу Райхан ал-Беруни, — ответил Мухаммад.

Вскоре из ворот торопливо вышел высокий сутулый старик в черном, с желтой оторочкой халате. Беруни соскочил с коня и шагнул навстречу.

— Усто Абу Махмуд!

— Усто Беруни! — взволнованно воскликнул знаменитый ученый, обнимая Мухаммада. — Какими судьбами? Ну проходите же, проходите!

Ходженди занимал небольшой домик в дальнем конце замка. Во дворе росли кусты роз, кипарисы, журчал арык.

— Ну, рассказывайте, дорогой гость, какие обстоятельства привели вас в мое скромное жилище? — обратился к Мухаммаду хозяин после угощения.

Беруни поведал ему о событиях, произошедших в Хорезме.

— О-хо-хо,— вздыхал Ходженди, слушая печальный рассказ гостя. — О жестокая судьба! Ну ничего, что-нибудь придумаем. Я буду просить за вас перед повелителем Рея.

Несколько дней Беруни провел в доме Абу Махмуда. Однажды хозяин вернулся расстроенный.

— Просил я за вас, — сказал он Беруни, — и его величество Фахр ад-Даула совсем было согласился, но потом вдруг спросил: «А не тот ли это Беруни, что у кятского хорезмшаха служил?». Я ответил, что тот самый. Нахмурился он и сказал: «Абу Абдаллах, когда напал на Ибн Симджура, сделался моим врагом. А слугам врагов не место у меня во дворце!».

Беруни поник головой. Задумался Абу Махмуд.

— Есть у меня друг, большой знаток науки ал-Кимия. Он хотя и не богат, но вас с радостью примет. Напишу-ка я ему записку...

\* \* \*

Остановившись возле калитки, Беруни слез с коня и нерешительно стукнул по ней рукояткой плети.

— Открыто, заходите! — послышалось со двора.

Мухаммад вошел и огляделся: маленький, но опрятный дворик, дом с айваном. В глубине двора пристройка: не то чулан, не то кухня. Возле арыка над медным тазом склонилась тучная седая тюрчанка.

— Мир вам, тетушка, — сказал Беруни. — Дома ли хозяин?

— Дома, где ж ему еще быть.

Послышался грохот, в пристройке сверкнуло, повалил зловонный дым.

— Ай! Опять! Говорила же ему, но он и слушать не хочет!

Из дымного облака, чихая и кашляя, появился старичок.

— Опять не вышло, — невозмутимо произнес старец и с доброжелательным интересом уставился на пришельца.

— Почтенный усто Исфендияр, я принес вам привет и послание от усто Абу Махмуда, — сказал Беруни.

— Друг Абу Махмуда — мой друг. Давайте письмо.

Прочитав послание, Исфендияр недоверчиво посмотрел на гостя.

— Так значит, вы и есть знаменитый усто Беруни, который построил шар и измерял на нем расстояние между городами и странами?

— Было такое,— смущенно проговорил Мухаммад.

— Убейда! О Убейда! Ты посмотри, кто к нам пришел. Сам усто Беруни пожаловал!

— Всегда рады гостю,— степенно поклонилась тюрчанка.

— Ну ладно,— решительно произнес Исфендияр, покосившись на пристройку,— на сегодня хватит. Коли такой гость пришел, можно и отложить работу. Убейда, приготовь котел, я сварю плов.

Угощение получилось отменное. Старик пригласил соседей и вечер прошел в приятной беседе.

Утром Исфендияр обратился к своему гостю:

— Знаешь что, сынок, оставайся-ка ты у меня. Все равно лучше места не найдешь.

Так и поселился молодой хорезмиец в гостеприимном доме усто Исфендияра и тетушки Убейды. Старики жили небогато, но и нужды не испытывали. Исфендияр зарабатывал на жизнь приготовлением разных снадобий. А все свободное время тратил на бесконечные опыты, которые, как убедился Беруни, заканчивались иногда довольно плачевно.

Вскоре старик нашел для Мухаммада работу.

— Будешь мне помогать, — сказал Исфендияр. — Сегодня я как раз собрался делать сафедои калхин.

— А что это такое?

— Это белый порошок, тонкий-тонкий. Им красавицы лицо пудрят, чтобы еще красивее быть. Никогда бы такими пустяками не занимался, да вот деньги нужны.

— Усто, я с радостью буду вам помогать.

— Вот и ладно. Ну, пойдем, я тебе расскажу, что делать.

Они вошли в пристройку, где чернело несколько горнов и очажков, громоздились по нишам стеклянные, бронзовые и глиняные сосуды, каменные ступки и прочая утварь.

— Значит так, — начал Исфендияр, — берем один мискаль\* олова на двадцать мискалей тутийа\*\*. Размельчим и перемешаем.

— Смешали мы олово и тутийа, а что дальше?

— Потом возьмем чугунный котел, положим туда смесь и разведем сильный огонь. Сверху котел накроем глиняной чашкой. На таком огне держим котел час или два. Время от времени чашку снимаем, смесь перемешиваем. Когда по краям котла начнет появляться белый налет, станем его собирать и просеивать через кисею. И так, пока вся смесь не кончится.

---

\* Мискаль — мера веса, равная 4,5 г.

\*\* Тутийа — цинк.

— А потом?

— А потом на базар понесем,— засмеялся Исфендияр,— красавицы набегут, дедушке Исфендияру спасибо скажут.

Несколько дней Беруни помогал старику. Тетушка Убейда разнесла сафедаи калхин по домам богатых заказчиц, а остальное продала на базаре.

После этого Исфендияр занялся изготовлением сурьмы. Он положил в котел свинец и поставил его на огонь. Тем временем Беруни размельчил серу в порошок. Когда свинец расплавился, Исфендияр начал бросать в него серу. Остывшую смесь вынули из котла, растерли в каменной ступке и, просеив через ткань, смешали с миндальным маслом.

— Ну вот,— радовался Исфендияр,— заработали мы денег месяца на два. Теперь наконец можно и наукой заняться!

Целых два месяца Исфендияр и Беруни колдовали в закопченной пристройке. Много нового и интересного узнал хорезмиец, многому научился. Но не мог он позабыть прекрасные и таинственные почные светила. Неудержимо влекло его к расчетам и вычислениям.

Днем Беруни забывался. Но вечерами, лишь появлялись в чужом небе такие близкие и родные звезды, овладевала им тоска по любимому делу, терзала боль разлуки с родной.

В эти вечера хорезмиец слагал стихи, в которых оплакивал разлуку с Джейхуном и звездами Хорезма, призывал время сжаться над ним и успокоить бурю несчастий.



Однажды Беруни встретил Абу Махмуда, посетовала ему на свою судьбу и тот пригласил его поработать на знаменитом «Фахриевом секстанте».

Около месяца они трудились вместе. Беруни воспрянул духом. Жизнь уже не казалась такой беспросветной. Абу Махмуд не мог нарадоваться новым помощником. Однако об их совместных занятиях стало известно правителю Рейя, и он строжайше запретил хорезмийскому звездочету приближаться к сектанту.

121

Для Беруни это был жестокий удар. Поделившись горем с Исфендияром, Мухаммад поведал ему, что хочет покинуть Рей.

— А куда ты пойдешь? — спросил добрый старик. — Один, без друзей, без денег! Было бы тебе хоть куда ехать, а то ведь и сам не знаешь!

— И то верно: не знаю, — поник головой Беруни.

— Нет уж, лучше оставайся. Не гневи аллаха и не переступай границу благоразумия, — молвил Исфендияр. — Эка невидаль — сектант? Вот я тебе сейчас такое покажу...

Исфендияр встал и ушел в дом. Вскоре старец вернулся, бережно прижимая к груди сверток. Осторожно развернув его, он вынул небольшую, страниц на тридцать, рукопись и с благоговением приложил ее к губам и ко лбу.

— Вот, бери! — сказал Исфендияр торжественным шепотом.

— «Китаб сирр ал-асрар», — прочел Беру-

ни, — «Книга тайны тайн». Я слышал о ней, искал по всем книгохранилищам, но нигде не мог найти. Даже здесь, на родине великого ар-Рази!

— Моим учителем был человек, по просьбе которого составлена эта книга, — заметил Исфендияр, — и он позволил мне переписать «Сирр ал-асрар». Я разрешаю тебе переписать ее, если хочешь. В этой книге — все сокровенное о науке ал-Кимия.

— Спасибо, отец!

Позабыв обо всем на свете, Беруни склонился над пожелтевшими страницами рукописи, а добрый Исфендияр довольно улыбался: наконец-то он сумел по-настоящему заинтересовать хорезмийца. Теперь Беруни полюбит благородную ал-Кимию не меньше, чем науку о звездах.

Так оно и случилось. Перед Беруни словно раскрылся новый мир чудесных превращений. Исфендияр только диву давался, с какой быстротой постигал хорезмиец тайны ал-Кимии.

Изучив «Книгу тайны тайн», Беруни заявил Исфендияру, что обязательно прочтет все сочинения ар-Рази и составит «Фихрист», то есть полный список и краткое описание трудов, созданных великим ученым.

Несколько месяцев хорезмиец пропадал по книгохранилищам и лавкам книготорговцев. Некоторые из торгашей требовали с него деньги за чтение и Беруни пришлось продать коня, на котором он проделал долгий путь из Хорезма в Рей. Иногда ему удавалось полу-

чить книги на дом. Тогда он читал ночи напролет.

Изучая сочинения ар-Рази, Беруни не уставал восхищаться обширности познаний и талантам ученого: ни одна из отраслей науки не была чуждой великому уроженцу древнего Рея. Особенно же преуспел ар-Рази в искусстве исцеления, философии и ал-Кимии.

Закончив работу над «Фихристом», Беруни переписал его набело и преподнес Исфендияру. Старик был растроган таким даром, однако сказал, что «Фихрист» должен храниться в книгохранилище при медресе аш-Шахия, потому что там находится большинство сочинений ар-Рази. Если усто Беруни не возражает, то он отнесет «Фихрист».

— Могу ли я удерживать вас от праведных деяний! — улыбнулся Беруни.

И все же Мухаммад скучал по любимому делу. Несколько раз он справлялся в различных медресе, не нужен ли им учитель по науке исчисления или астрономии. Ему отвечали отказом. Работа в медресе — доходная и почетная, и если и бывали свободные места, то их берегли для родственников и знакомых. Кому нужен бедняк-чужеземец, пусть даже и не превзойденный в науке исчисления?

Но Исфендияр снова помог Беруни: он отвел хорезмийца к своим знакомым ремесленникам. То были знаменитые во всем Рее два брата — златокузнецы и гранильщики драгоценных камней.

Теперь Абу Райхан целыми днями пропадал в лавке ювелиров, помогал им, расспра-

шивал, делал записи. Братья охотно делились своими знаниями с любознательным чужеземцем. В благодарность Беруни рассказывал им о звездах, о тайнах движения небесных светил и о других диковинах. И братья прониклись к нему уважением и стали величать учителем.

...В лавке ювелиров тихо и прохладно. В дальнем углу трудятся ученики. Ближе ко входу склонились за работой оба брата. Рядом с ними Беруни. В руках у него калам и лист бумаги.

— А лучший из камней — это яхонт, — говорит старший — Хасан. — Ничто не сравнится с ним в красоте, а по твердости он уступает лишь алмазу. И самый лучший яхонт привозят с острова Сарандиб\*. Его полируют водой и порошком пережженного оникса на медной пластине. А до этого его выравнивают с помощью толченого наждака на свинцовой доске.

Беруни внимательно слушает.

— А сколько всего существует оттенков яхонта? — спрашивает он.

— О-о! — оживает рассказчик. — Всего шестнадцать: гранатовый, шафрановый, пурпурный, багряный, фиалковый, цвета пылающих углей, цвета пламени свечи, кровавый, розовый, левкоевый...

— А знаете ли, учитель, — обращается к Беруни младший брат — Хусайн, — что цвет

\* Так называли Шри Ланка (Цейлон):

красного яхонта улучшается, если его прокаливать в огне?

— Расскажи, это интересно!

— Может быть, вы замечали, учитель, что иногда в яхонте пятнышко темнее цветом, чем весь камень? Вот если его нагревать, пятнышко становится больше, но цветом слабее, зато весь камень выигрывает в красоте. Но даже если нет пятнышка, яхонт все равно от прокаливания становится чище и красивее. Только надо меру знать.

— А какова мера? — спрашивает Беруни.

— Да по-разному. Вот один способ: берут два тигля из согдийской глины...

Выслушав рассказ, Мухаммад в свою очередь решил поделиться с братьями.

— А вы слышали про мумиё? — спрашивает он.

— Мумиё? — переглянулись братья. — Это что, драгоценный камень?

— Пожалуй, цены ему нет, — согласился Беруни, — только он не красотой и твердостью славен, а целебными свойствами.

— Вот как? Расскажите, учитель.

— Ну вот, слушайте. Мумиё — это горная смола. Она горьковата на вкус, у нее приятный, душистый запах. Лечит от многих болезней. Особенно хорошо помогает, если в теле человека ломается кость.

Помню один случай, которому сам свидетель. Я тогда жил во дворце властителя Хорезма Абу Абдаллаха. И был один тюрок по имени Субай-Хирма. Он лазал по горам, добывая лекарственные средства. Каждый год

приносил он их хорезмшаху, и среди даров — мумиё. Он ее очищал своим способом и никому не открывал тайну.

Однажды поехали мы на охоту. И случилась беда: сломал ногу любимый сокол хорезмшаха. А был тот сокол на руке у главного сокольничего.

Донесли об этом Абу Абдаллаху. Разгневался шах: «Раз не уберег моего сокола, пусть и ему ногу сломают». Я попробовал заступиться, но шах и слушать не стал!

Ну, положили беднягу на землю. Палач взял дубину и с размаху ударил по ноге, да так, что раздробил кость.

Потом опомнился Абу Абдаллах, пожалел о своем несправедном деле. Призвал он всех костоправов и велел им вылечить сокольничего. А чтобы быстрее исцелился, приказал из своей казны мумиё выдать.

Внимательно слушают рассказ ювелиры. Ученики тоже позабыли о своей работе.

— Ну, а дальше что?

— Видел я этого сокольничего через год. Верхом он был и с соколом на руке. Когда с коня соскочил, прихрамывал, но ходил без палки. Это его мумиё спасло, а то на всю жизнь осталась бы калекой.

— Учитель, а как же искать мумиё?

— Говорят, охотники нарочно подрамливают горного козла, а потом потихоньку за ним следят. Козел уходит туда, где на камнях мумиё выступает, и начинает его слизывать, чтобы от раны излечиться. Так и узнают эти места,

— Да-а, учитель,— заметил Хусайн,— сколько же вы знаете... И все вам мало. Наверное, если за день ничего нового не узнаете, то считаете его потерянным?

— Вроде этого,— улыбнулся Беруни.

У входа в лавку нерешительно остановился человек в бедной одежде. Потоптавшись, он вошел внутрь.

— Хозяин,— обратился он к Беруни,— камешек не купите?

— Да не я здесь хозяин,— ответил хозяин.

— А что за камешек,— заинтересовался старший брат,— ну-ка покажи!

— Я вчера огород копал,— развертывая маленький узелок, говорил посетитель,— смотрю—синий камешек, такой красивый...

Братья долго разглядывали находку, обмениваясь взглядами.

— Ну, и сколько за него хочешь?

— Да это уж как совесть вам подскажет...

Сделка завершилась ко всеобщему удовольствию. Получив несколько золотых, незнакомец ушел.

Беруни попросил посмотреть камешек. Это оказался редкой красоты сапфир, на поверхности которого было вырезано изображение меча и непонятные буквы. Присмотревшись, Абу Райхан понял, что надпись сделана на румийском языке. Она сообщала имя давно исчезнувшего владельца печати: «Митридат Победоносный».

«Может быть, этот самый Митридат был

одним из воинов Искандера Зулькарнайна\* и погиб здесь много веков назад», — подумал Мухаммад.

Шло время. Беруни прилежно посещал «Братьев из Рея» и других заргаров. Число записей росло. Возвращаясь от ювелиров, Беруни складывал свои заметки в нишу. Постепенно там накопилась целая стопа бумаги.

— Буду писать книгу о драгоценных камнях, — поделился Мухаммад замыслом с Исфендияром.

— Доброе дело, — одобрил старик, — пиши, сынок.

И Беруни снова стал пропадать в книгохранилищах Рея. Теперь он искал там все, что имело отношение к драгоценным камням и ремеслам, связанным с обработкой драгоценностей. Так познакомился он с трудами своих предшественников: Джабира ибн Хайяна, которого именуют отцом ал-Кимии, философа ал-Кинди, дед которого был придворным ювелиром халифов, непревзойденного ар-Рази, ал-Джахиза и других ученых.

Исподволь Беруни обдумывал содержание и построение своей новой книги, делал наброски. Однако вскоре случилось событие, переменявшее жизнь Абу Райхана.

Вернувшись как-то из книгохранилища при медресе Мири Бекташ, Беруни застал у Исфендияра... Рузбеха сына Кавада!

---

\* Так на Востоке называли Александра Македонского.



Земляки обнялись. Истосковавшись по родному краю, Беруни засыпал купца вопросами. А вести и впрямь были важные.

Рузбех сообщил о том, что в новой столице Хорезма, Гургандже, недавно умер эмир Мамун ибн Мухаммад. Между наследниками началась борьба за престол. В результате новым хорезмшахом стал Али ибн Мамун.

И случилось так, что его соперника поддерживали именно те люди, которые два года назад предали Абу Абдаллаха в Кяте. Теперь они оказались в опале, а их враги возвысились.

Али ибн Мамун простил Абу Насра ал-Ираки и даже вернул ему часть поместий, в том числе и замок Кала-и Сафид. Звезда рода ал-Ираки снова взошла из-за туч, хотя блеска в ней и поубавилось.

Ошеломленный потоком новостей, молча слушал Абу Райхан разговорчивого гостя.

— А перед отъездом из Кята, — заявил в конце Рузбех, — меня разыскали люди Абу Насра. А он велел тебе передать, что просил за тебя перед новым хорезмшахом и что Али ибн Мамун благосклонно отнесся к его просьбе. Итак, усто Беруни, скоро ваше изгнание окончится!

Через месяц в Рей прибыло посольство из Хорезма. Али ибн Мамун прислал дары и сообщение о том, что стал повелителем Хорезма. Фахр ад-Даула передал послам ответные дары и поздравления, а также заверил «своего младшего брата Али ибн Мамуна» в расположении и дружественных чув-

ствах. Советник посольского дивана, сопровождавший хорезмийского посла, разыскал Беруни и вручил ему высокое послание нового повелителя Хорезма.

Али ибн Мамун прощал Беруни — в чем была его вина, Абу Райхан не знал — и милостиво разрешал ему вернуться в Хорезм.

Заняв денег у Рузбеха, Беруни накопил подарков для Исфендияра и тетушки Убейды. Он чувствовал себя в неоплатном долгу перед этими добрыми и отзывчивыми людьми.

Подошел день отъезда. Прощаясь, тетушка Убейда заплакала, да и сам Исфендияр не скрывал слез.

— Мы тебя полюбили, как сына, — сказал старик Абу Райхану, — помни о нас.

— Никогда не забуду вашу доброту и участие! — горячо ответил Беруни.

\* \* \*

В один из погожих дней из ворот стольного города Рея вышел купеческий караван.

Два всадника ехали стремя в стремя, привычно покачиваясь в седлах.

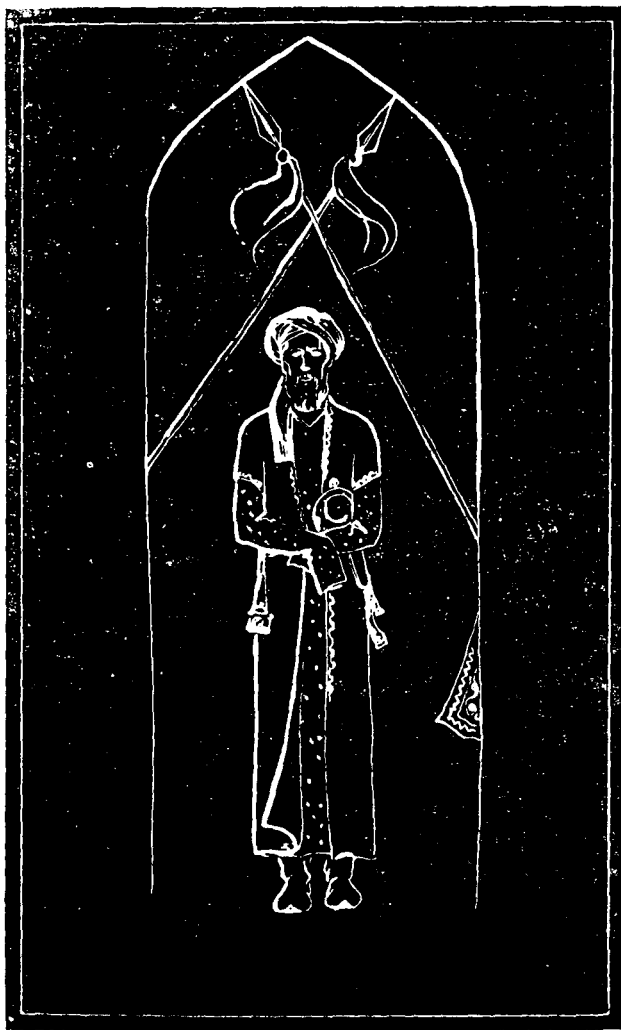
Полный надежд и замыслов возвращался Беруни в Хорезм. В его седельных сумках не было ни дорогих товаров, ни золота и серебра. Он вез иные ценности: новые знания, уважение и дружбу простых людей да книги, которые написал на чужбине.

6

# ТАЗНА

**„Слишком возвышенно  
положение царей, чтобы  
мстить ради мести“.**

**Абу Райхан ал-Беруни**





олнце немилосердно палит великолепную Газну. Листва деревьев пожелтела и обвисла. Раскаленная добела пыль жжет подошвы, слепит глаза.

Тишина... Зной.

Пустынный дворик обнесен глухим дувалом. Серая, в крупных трещинах, глина источает жар, словно печь гончара.

Коротко скрипнула в домике дверь и в проеме показался человек. На мгновение замер, ослепленный ярким светом. Сощурившись, приложил руку ко лбу, огляделся и направился к колодцу, окунувшись в знойную духоту дня.

Шуршит, убегая вниз, веревка. Глубоко внизу глухо плеснула вода. Вода — благодарение аллаху — холодна и приятна. Абу Райхан пьет долго и жадно. Высокий лоб залоснился и заблестел под солнцем.

Утерев губы рукавом белой, с глубоким вырезом, рубахи, хорезмиец удовлетворенно вздохнул и, прихватив влажный шершавый кувшин, пошел обратно.

Очутившись в полумраке комнаты, он присел на глиняную суфу и подождал, пока привыкнут глаза. Затем придвинул черниль-

ницу. Вьется из-под калама темная вязь арабских букв.

— При-вле-че-ние долготы главного города Хорезма в качестве доказательства полученной нами долготы Джурджанин...— медленно вторит голос бегущим буквам.

Замер калам.

134

Хорезм, Хорезм... Далекая родная земля!

Ему было двадцать два года, когда он, полный надежд и веры в будущее, производил измерения на западном берегу Джейхуна у небольшого селения Бушканз.

Именно там, в Бушканзе, недалеко от столицы Хорезма, и родилось почетное прозвище Абу Райхан. Крестьяне считали зазорным называть молодого ученого просто по имени, как называли бы младшего брата или сына. А человека уважаемого принято именовать «отец такого-то» или «отец такой-то», имея в виду, что перед вами почтенный глава семейства. Однако Беруни был одинок. Как быть? Бушканцы давно подметили, что юноша любит скромные душистые цветы райхана и почти всегда носит с собой веточку. Так с легкой руки бушканцев и стал Беруни Абу Райханом — «Отцом базилики».

Новое прозвище понравилось ученому, и очередную свою книгу он подписал по всем правилам: Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Беруни.

...Вернулся в Хорезм Беруни лишь через много лет. В зрелом возрасте, в расцвете сил и славы. Семь лет пробежали, как неделя. Окруженный почетом, приближенный ко дво-

ру, собеседник и советник хорезмшаха Мамуна — да упокоит аллах его душу! — Беруни много и упорно трудился.

Абу Райхан вспомнил просторный дворцовый зал, украшенный росписью и резным алебастром. Здесь, в присутствии самого хорезмшаха, устраивались состязания ученых и поэтов. И нелегко было снискать похвалу Мамуна, знатока науки и поэзии. Украшением этих собраний были Абу Али ибн Сина и Абу Наср Мансур ал-Ираки, воспитатель и наставник Абу Райхана.

Не раз, собравшись втроем, они решали сложные математические и философские проблемы. Как радостно тогда работалось! В такие дни приходило к Беруни счастье вдохновенного труда.

Но снова началась смута и от рук своих же придворных погиб Абу-л-Аббас Мамун, покровитель Абу Райхана. Произвол и беззаконие воцарились в Хорезме. А земля уже содрогалась под тяжелой поступью боевых слонов и топотом копыт вражеской конницы.

Жестокий и непреклонный Махмуд из Газны привел своих воинов и было их, что звезд на небе. На площади перед дворцом слоны растоптали убийц Мамуна. Однако власть самого султана не предвещала ничего хорошего.

Абу Райхан скрывался, но его нашли и привели во дворец. В тронном зале, окруженный телохранителями и военачальниками, сидел низколобый, плотный, будто нали-

той чугуном, Махмуд. Его узкие раскосые глаза впились в лицо Беруни.

— Вон ты какой... Говорят, никто не сравнится с тобой в науке о звездах, даже Ибн Сина?

Беруни молча поклонился.

— Молчишь... Жалеешь, что не сбежал, как этот гордец Ибн Сина? Но не найдется на земле места, чтобы укрыть его от моего гнева!

Темное, рябое лицо Махмуда исказила злоба. Глаза сверкнули, как у разъяренной рыси.

— Моя Газна — столица мира, все за честь почитают служить у моего стремени! А ты осмелился отклонить мое приглашение?! Вздумал скрываться? Но теперь-то уж поедешь, да только не гостем, а рабом!

Беруни молча изучает властелина Газны, следит за его лицом, вслушивается в интонации голоса. Махмуд — страшный человек. Единственное оружие Беруни — его разум, воля и знания. И он должен выстоять и победить. Для этого надо изучить Махмуда.

«Злопамятен, упрям и жесток, завистлив и вспыльчив, — думает Абу Райхан о султанае. — Жить с ним рядом, значит ходить по краю пропасти».

Замолчал и Махмуд. Странно, но он чувствует смущение перед Абу Райханом. Такое чувство испытывает человек, встретивший на пути явление не обычное, непостижимое его разуму.

Этот хорезмиец живет по другим законам,



нежели люди, окружающие Махмуда. Его не купишь золотом, ему не нужны слава и власть. Его единственное, неоценимое сокровище—наука, которую он не променяет на все блага мира. И эта одержимость, это безразличие к мирским соблазнам делают Беруни сильным, сильнее могущественного султана Газны.

Постепенно смущение султана сменяется досадой и злобой. Молчание затянулось, вельможи встревоженно переглядываются. Сделав над собой усилие, Абу Райхан замирает в поклоне, приняв смиренный и покорный вид.

— Ступай!— резко бросает Махмуд.

В Газну Абу Райхан ехал в обозе, на тряской арбе, захватив свои рукописи и пожитки. Длинными жаркими днями он глотал пыль и смрад большого войска. Вечерами у костра беседовал с индийцами, служившими в обозе. Записывал в тетрадь индийские слова, названия трав и растений. Тогда у него впервые зародилась мечта познакомиться с их чудесной страной.

В Газне Абу Райхана поселили в одном из дальних закоулков дворцовой крепости, положив ему скудное жалование. Придворные звездочеты-гадальщики встретили прославленного ученого неприязненно, с явной досадой.

Махмуд будто позабыл о хорезмийце. Однако так только казалось: осведомители сообщали султану о каждом шаге, каждом слове ученого.

Беруни погрузился в составление новой книги, которую назвал «Определение границ для уточнения расстояний между селениями».

Работа над рукописью была единственной радостью в его мрачной жизни. Составляя книгу, он забывался. Временами ему казалось, что он снова в благодатном Хорезме и вот сейчас откроется дверь и войдет Ибн Сина. Возьмет исписанный листок, молча просмотрит и одобрительно улыбнется.

\* \* \*

Шелестят и кланяются ветру благородные кипарисы в саду «Тысячи деревьев». Ослепительно поблескивает рябь арыков и водоемов. Неторопливо и чинно плавают лебеди. Павлины сбились кучкою в тени деревьев. Неподалеку прилегла маленькая стройная газель с увитыми шелковой лентой рожками. Газель — любимица Махмуда. Милосердный султан убил на охоте ее мать, а детеныша вырастил на забаву.

Высоко вверх уходит мощная стена. Местами в ней чернеют узкие бойницы. Стену венчают зубцы, из-за которых порой блеснет копьё или шлем изнывающего от жары воина.

Над плоскими крышами дворца высится «Дом отдохновения» — прекрасное творение газнийских ремесленников. Он весь в тонком кружеве резьбы по дереву и ганчу. В окнах, в мраморных решетках-панджаре, горят синими, красными и зелеными огоньками разноцветные стекла. В павильоне — четыре стрельчатые двери, по одной в каждой из

стен. По углам его витые, как изгиб змеи, полуколонны. Шлифованный кирпич выложен сквозной узорчатой решеткой. Проникая в отверстия, свет расчертил мраморный пол прихотливыми узорами. Солнечная сторона «Дома отдохновения» завешена огромными влажными покрывалами.

Большая просторная комната украшена коврами, золотой и серебряной утварью. На троне из черного дерева, серебра и слоновой кости, на шелковых покрывалах удобно расположился «Потрясатель вселенной», могущественный султан Махмуд.

Возле трона чернокожие рабы с опахалами из страусовых перьев. Снаружи раздается шлепание босых пяток и плеск воды: поливальщики разбрызгивают воду, чтобы султану было прохладнее. Танцуют и поют молоденькие рабыни, услаждая взор и слух своего повелителя.

Никто не осмеливается нарушить покой султана Махмуда, сына раба, создавшего огнем и мечом одну из величайших держав мира. Все трепещут перед ним, занскивают. Все боятся... Все ли? А этот хорезмиец... Вспомнив Беруни, Махмуд досадливо хмурится. Против желанья он чувствует превосходство этого молчаливого, внешне почтительного человека со взглядом, будто озаренным внутренним светом. Не раз у Махмуда возникало желание убрать нищего звездочета прочь из Газны, с глаз долой! Но Беруни, хочешь не хочешь, одно из украшений столицы.

Однажды эмир соседнего государства,

большой любитель и знаток астрономии, попросил у Махмуда прислать ему Беруни: эмир собирался строить обсерваторию. Махмуд надулся от спеси и тщеславия: ему завидуют, у него просят Беруни! Властелин Газны, конечно же, отказал, но в эти дни испытывал нечто вроде гордости за молчаливого хорезмийца.

Низко поклонившись, неслышно ступая по коврам, вошел Мейменди — вазир и молочный брат султана. Ему, единственному, дозволено в эти часы нарушать уединение грозного властелина Газны.

Махмуд кивком головы указал ему на подушки у подножия трона: «Садись!»

Ахмад ибн Хасан ал-Мейменди узок в кости, худощав. Высокий лоб изрезан морщинами, губы жестко поджаты. Тонкие сухие пальцы нервно перебирают четки, но лицо хранит невозмутимое спокойствие.

Мейменди — покровитель ученых и общепризнанный стилист. Даже в избалованном Багдаде восхищаются языком и стилем посланий султана Махмуда. Но все знают, что послания эти написаны великим вазиром Ахмадом сыном Хасана.

Вскоре после приезда Беруни в Газну Мейменди послал ему блюдо с золотыми динарами. Абу Райхан поблагодарил вазира, но подарок вернул обратно: у него есть кров и пища, а золото только мешает научным занятиям. Эта бескорыстная преданность науке поразила воображение вельмож и заронила в его душу семена добрых чувств к хорезмийцу. Великий вазир и сам не чужд науке, он

уважает Абу Райхана за его необозримые знания и невероятное трудолюбие. Он по-своему жалеет Беруни за его бедность и неустроенность, за неумение или нежелание добиваться почестей и благ. В глазах Мейменди Беруни — человек не от мира сего, странный и непонятный. Блаженный, а может быть — святой. Сам Мейменди дорожит своей властью и силой. О, ради этого стоит жить и бороться! Он второй после султана, он может казнить и миловать. Но ведь и сам он зависит от настроения вспыльчивого, непостоянного Махмуда. Враги только и ждут, когда Махмуд отвратит лик своих милостей от великого вазира. Однако и Мейменди не дремлет: он плетет нескончаемую сеть интриг с азартом шахматного игрока. Только это куда интереснее шахмат! Это — сама жизнь, жестокая и непостоянная.

Благодаря заступничеству аллаха, до сих пор враги терпят от него, великого вазира. Не далее как вчера добился он приказа о лишении хаджиба Суюна всех званий и имущества и о заточении его в дальнюю горную крепость.

Занесся Суюн, возмечтал о печати великого вазира. А теперь пройдет немного времени, и Суюн умрет в подземелье затерявшейся в горах крепости. Смерть уже в пути, она идет к нему — темный порошок, надежно упрятанный в тростинку калама. Спешит дервиш и странствующий писец в далекую крепость. Дервиш человек проверенный: не раз выполнял такие поручения то в обличии слуги, то повара, то странствующего лекаря.

Сидят два великих мира сего, погруженные

в свои думы. Слушают пение, смотрят танцы молоденьких невольниц.

— Так какую же из них приблизить к себе? — размышляет султан.— Надо позвать Хорасани, пусть составит гороскоп. И тогда, с помощью аллаха, у меня родится сын, храбрый воин.

— Пусть придет Хорасани, — лениво бросает султан. Сидевший у стены на корточках скороход мчится выполнять поручение.

Дрогнул занавес. Низко кланяясь, вошел звездочет Хорасани, старый перс, с редкой, крашенной хной бородкой.

— Что изволит приказать величайший султан, гроза безбожников и прибежище правоверных? — умильно произнес предсказатель.

— Составь гороскоп... И определи, какую из этих гурий надлежит приблизить и в какое время, чтобы у нас родился сын, храбрый воин.

— О величайший из великих! — засуетился Хорасани. Однако эта суета не могла скрыть растерянности гадалщика.

Мейменди не без ехидства поглядывал на звездочета. Он недолго любил Хорасани и всю эту братию и в глубине души считал их обманщиками.

Между тем Хорасани исподтишка наблюдал за своим повелителем и за девушками, которые отдыхали на ковре. Он заметил, что взор султана несколько раз обращался к маленькой белолицой тюркской рабыне с густыми черными бровями. «Эта!» — обрадовался Хорасани.

Громко и торжественно он возгласил «волю звезд». Махмуд, видимо, остался доволен.

Окрыленный успехом, Хорасани решил воспользоваться случаем и пожаловался султану на «недостойного чужеземца», «зловредного хорезмийца», который при народе, у выхода из мечети, назвал Хорасани невеждой.

Мейменди неодобрительно глянул в сторону звездочета и предупреждающе кашлянул.

Но куда там! Теперь Хорасани не остановить. Тем более, что Махмуд слушал его с интересом и сочувствием.

— А сможешь ли ты посрамить этого Беруни? Придумай-ка...

Хорасани напряженно думал. Наконец его осенило. Беспрестанно кланяясь, он приблизился к трону и шепнул склонившемуся султану.

Махмуд расхохотался.

— Ступай, распорядись, — сквозь смех приказал султан.

Откинувшись на подушки и вытянув ноги, Махмуд прикрыл глаза. Мерно колышутся опахала. Из сада «Тысячи деревьев» доносится трубный крик павлинов.

Великий вазир задумался. Пальцы замерли на четках.

«Что же они готовят? Бедняга Беруни! Вечно он вызывает недовольство султана. Да разве только Беруни. А Фирдауси! Ведь такого поэта не было и не будет. Двадцать лет трудился он над своей «Шах Намэ». А султан обошелся с ним несправедливо, отвергнув подношение и оскорбив нищенской подачкой.

Правда, потом Мейменди переубедил повелителя. Да поздно: когда караван с царскими дарами входил в ворота Рудбар, через ворота Разан выносили носилки с телом великого поэта. Дочь Фирдауси отвергла дары султана. А в народе и сейчас повторяют слова, которые написал оскорбленный Фирдауси:

Не привели дела султана к величию его рода.  
 Может ли он терпеть тех, кто велик по праву!

\* \* \*

В махаллю строителей, что позади Большой мечети, возле торговых рядов, примчался десятник дворцовой стражи. Не слезая с коня, постучал рукояткой плети в ворота старосты.

— Хашар! Срочная работа во дворце. Собери человек десять, самых лучших. Да побыстрой!

Усто Хамид бросился на улицу. Захлопали калитки, загомонили недовольные голоса.

Постепенно возле усадьбы старосты собрались строители. Взвалив на плечи орудия своего ремесла, они поплелись во дворец.

— Во дворец идти, что тигру в логово, — буркнул один из строителей. — В прошлый раз каменщик Али упал и разбил мраморную решетку с цветными стеклами. За это его избили палками так, что он теперь не может ходить. А семья его голодает. Спасибо, добрые люди помогают.

— А ты, наверное, один из этих добрых людей? — спросил сосед.



— Нельзя оставлять человека в беде...

— Работать заставят до седьмого пота, а платить не очень-то торопятся,— бросил на ходу другой.

— Султан, может, и велит хорошо заплатить, да слуги у него — вор на воре. Половину заберут.

— Тише вы! — прошипел седой каменщик и опасливо покосился по сторонам.

Вот и дворец. Миновав подвесной мост, они вошли в ворота. Неподалеку от ворот — клетки со львами и тиграми. Пахнуло острым запахом крупных хищников. Донеслось глухое, грозное рычание. Вдалеке резко протрубил боевой слон. Их у могущественного султана великое множество.

— Сидите здесь. Надо будет — позовут, — приказал десятник.

\* \* \*

Трудолюбиво поскрипывает калам, строятся в ряды числа, обозначения синусов и косинусов. Беруни излагает различные способы вычисления долготы и широты селений и уточнения расстояний между ними. Работа спорится и на душе у него легко и радостно. Ведь он пишет о том, что до него никто не знал. О том, к чему первым пришел он, Абу Райхан ал-Беруни. Новые знания — частица его души, разума, труда. И это останется навечно, пока будут на земле люди науки.

Радостно и светло на душе у хорезмийца. Спорится работа. За воротами слышится конский топот, резкие голоса. В комнату вбежая

молодой смуглолицый кипчак, слуга и ученик Абу Райхана. Еще в Хорезме ученый подобрал умирающего от голода мальчишку, родители которого погибли во время моровой язвы. Он воспитал приемыша, обучил его грамоте и начаткам наук.

— Что там происходит, Аскар? — не отрываясь от письма, спросил Беруни.

— Господин! Султан требует во дворец! 14

Озабоченно нахмутив брови, ученый сложил письменные принадлежности, осторожно закрыл рукопись. Аскар помог ему намотать чалму и одеть халат.

Хорезмийцу подвели запасного коня. Вскочив в седло, он направился по улице, ведущей к парадным покоем султана. Вслед за ним потянулись воины из личной охраны Махмуда.

Покачиваясь в седле, Беруни рассеянно глядел по сторонам. Мысли его заняты лишь одним: что еще понадобится от него султану? Во всяком случае, хорошего ждать не приходится.

Вот и клетки с тиграми и львами, а дальше начинается сад «Тысячи деревьев». Внимание ученого привлекли бедно одетые люди, сидевшие в тени крепостной стены. Возле них ломы, топоры, лопаты. Что им здесь нужно?

Доехав до границы «Тысячи деревьев», они оставили лошадей и пошли пешком. Долго пробирались по узким и кривым переходам и крутым лестницам и наконец очутились в самой верхней части дворца, у подножия «Дома вдохновения».

Возле каждой из четырех дверей стоят го-

лугоглазые рыжеволосые великаны в богатых румийских доспехах. Беруни знает, что этих воинов румийцы называют варангами и что живут они в далеких полуночных странах возле холодного, мрачного моря.

Воины остановились. Теперь хорезмиец идет один. Варанги предупреждены — они раздвигают скрещенные копыя и пропускают ученого.

Очутившись в «Доме отдохновения», Беруни невольно остановился у порога, ошеломленный роскошью и великолепием убранства, затем, низко поклонившись, приветствовал султана.

— Садись, — милостиво разрешил Махмуд.

Опустившись на колени, Абу Райхан сел на пятки и сложил руки на поясе.

— Ну, как тебе живется в моей Газне? Наверное, все Хорезм позабыть не можешь?

— Да будет милость аллаха над великим султаном и домом его! У меня есть кров и пища и все необходимое для занятий. А забыть родину — как можно? Птицы и те стремятся в родные края, хотя и гибнут многие в дороге.

— Да. Многие гибнут, — согласился Махмуд и задумался.

Оглянувшись, ученый увидел Мейменди, который ободряюще ему улыбнулся.

Тишина. Никто не осмеливается нарушать думы султана.

— Может, ты нужду испытываешь? Проси, отказа не будет, — говорит султан, довольный своим великодушием.

— Недостойный слуга и так изнемогает под бременем милостей великого султана.

Снова молчание. Как перед схваткой.

— Вот говорят, в науке о звездах ты превзошел всех смертных и нет равных тебе на земле, разве что этот... Ибн Сина. А можешь ли ты предсказать будущее?

— Все в руках аллаха.

— Так вот слушай. Видишь здесь четыре двери... Через какую из них я выйду? Посоветуйся со своими светилами. Пусть они тебе подскажут! — голос султана звучит резко и повелительно.

Хорезмиец вынул из сумки астролябию, подошел к двери и определил высоту солнца. Попросил калам и бумагу. Начертил гороскоп и задумался. Этот злобный невежда на троне хочет посмеяться над ним, унижить и выставить всем на потеху его святыню, его науку, дело всей его жизни. Ведь если он, Беруни, ошибется, то султан будет торжествовать и глумиться и возликует вся эта шайка во главе с Хорасани.

Нет! Беруни не может этого допустить. Он примет бой, поднимется на защиту науки. Он заставит их уважать силу человеческого разума.

Но что делать, как быть? И тут его осенило: строители! Так вот зачем их пригнали во дворец. Султану пробьют пятую дверь и он выйдет через нее. Беруни почувствовал себя спокойнее. Однако, в какой стене будет пробита дверь?

— Готово?— нетерпеливо спрашивает Махмуд.

— Великий султан предложил своему слуге непомерную задачу.

Лицо Махмуда просияло: «Еще бы!». Ухмыляясь, он поглядывает на восточную стену, будто есть там нечто интересное. Абу Райхан проследил за его взглядом. Стена как стена. А! Теперь понятно, дверь будет в восточной стене!

Четким изящным куфи\* Беруни пишет: «Не выйдет ни в одну из этих дверей. В восточной стене проьют еще одну. Там и выйдет».

— Предсказал?

— Предсказал, — почтительно отвечает Абу Райхан и, сложив листок бумаги, сует его под ковер.

— Ступай! — приказывает Махмуд.— Далеко не уходи.

Беруни вышел и остановился так, чтобы видна была восточная сторона «Дома отдохновения». Вскоре, подгоняемые воинами охраны, мимо него поспешно прошли строители.

Через некоторое время из «Дома отдохновения» послышались гулкие удары: строители начали прорубать новую дверь. Гибнет красота!

Черный, шитый жемчугом и серебром халат великого вазира становится серым. Махмуд морщится и чихает. Султану становится душно и он направляется к выходу.

---

\* Разновидность почерка.

— О величайший! — испуганно вскрикивает Хорасани. Махмуд остановился. Как это он забыл, что должен выйти через пятую дверь! Сев на ковер у подножия трона, он выплевывает пыль и непристойно ругается. Мейменди невозмутимо перебирает четки.

В стене появилось отверстие. Солнечный свет золотит пыль. Пролом становится больше и шире, зияющая рваная рана...

— Довольно, — повелительно говорит султан.

Наступает тишина.

Пригнувшись, Махмуд выходит наружу, с наслаждением вдыхая чистый воздух. Из «Дома вдохновения» появляется Мейменди, в руках у него сложенный листок бумаги. Вслед за ним семенит Хорасани.

— Читай!

Громко, нараспев, великий вазир читает: «Не выйдет ни в одну из этих дверей. В восточной стене пробьют еще одну. Там и выйдет».

— Дай! — кричит Махмуд. Он впивается глазами в предсказание Беруни. Лицо султана выражает изумление, почти ужас, затем искажается от злости. Скомкав листок, он швыряет его на землю и топчет ногами.

— Что велит справедливейший султан относительно предсказателя? — угодливо спрашивает Хорасани.

— Швырните его со стены! — кричит Махмуд. — Посмотрим: спасет ли его наука!

Мейменди побледнел и закусил губу. Давно он не видел султана в таком гневе. Вмешив-

ваться бесполезно: теперь уже ничего не изменишь...

\* \* \*

У подножия стены, под навесом, трудятся повара. Султан любит миндальное печенье. И все его дармеды — тоже. Им только подавай!

Худой магрибинец рассказывает ужасную сказку о джингах.

— И приснился Синдбаду святой Хизр. Сказал: «Встань и проснись, о Синдбад, большая беда идет!» И встал, и проснулся Синдбад, а кругом него все спутники спали. И залез он на дерево, и спрятался. И вот раздался шум и рев и прилетел по воздуху джин с клыками, как у вепря, с медными когтями. Тут же он набросился и растерзал путников, и пожрал их».

— О ужас! Не приведи аллах увидеть такое,— замечает один из поваров. Вдруг раздался шум и крик, затрещала рвущаяся холстина и на голову сказочника обрушилась живая тяжесть.

— Ай! Дод! Это джин! Святой Хизр, спаси нас! — все опрометью бросились из-под навеса.

Оттуда послышались стоны.

— Кто ты — джин или человек? — спросил побелевший от страха магрибинец.

— Человек.

— Тогда зачем летаешь, если человек?

— Меня сбросили вниз. Помогите выбраться, не то я задохнусь.

Осторожно, с опаской, повара распутали веревки, развернули холстину. Наконец оказался человек, лицо у него было в крови. Послышались сочувственные возгласы.

— Вай, бедняга!

Подбежали воины, подхватили Беруни под руки и потащили наверх.

Гнев султана поостыл, хотя и смотрел он неприязненно.

— О многомудрый Абу Райхан! А этого ты не предвидел? — в голосе Махмуда слышался торжество и насмешка.

Хорезмиец молча смотрел на султана.

— Не предвидел? — почти попросил Махмуд.

— Предвидел! — ответил Беруни. Он решил не сдаваться.

— Где доказательство! — гневно спросил султан.

— Пусть пошлют ко мне и спросят «Китаб ал-Маджисти». Там, между страницами, бумага, в ней все написано.

Султан молча кивнул Хорасани.

Томительно тянется время. Перед уходом во дворец Абу Райхан делал выписки из «Китаб ал-Маджисти» и заложил страницу этим листком. Странная история у этого клочка бумаги. Как-то в Бушканзе Абу Райхану принесли обломок каменной плиты с незнакомой надписью. Ученый старательно зарисовал ее и долго потом разыскивал человека, который смог бы прочесть написанное. Нашелся один глубокий старец, знавший древнюю хорезмийскую письменность. Перевод



гласил: «...и если меня бросят с высокого места, достигну невредимым земли».

Маленький желтоватый листок зажат в коротких сильных пальцах Махмуда: «Да! И это предсказание правильно. Хорезмиец — великий ученый!».

Но лучше было бы, чтобы он ошибся. Султан хотел посрамить ученого, а вышло, что он сам посрамлен. Такое Махмуд простить не может. Обернувшись к варангам, султан приказывает: «Отведите Абу Райхана в крепость!»

Начальник крепости своей должностью обязан великому вазиру, поэтому к Беруни отнесся с доброжелательным сочувствием. Он поместил его в чистую, сухую комнату, посылал вкусную еду. Через семь дней после заключения Абу Райхана в крепость к нему пришел слуга Мейменди. Он принес подарки: большую глиняную флягу с редкостным вином и мешочек с желтоватыми кусками сахара.

Дни слагались в недели, недели в месяцы. Почти полгода томился Беруни в заточении. И все это время Мейменди искал случая заговорить с султаном об Абу Райхане.

Однажды поздней осенью с большим количеством слуг и придворных Махмуд выехал на охоту. Последнее время развелось много волков и они безнаказанно резали овец из султанских отар. Махмуд был рачительный хозяин и решил навести порядок.

Хашарчи и слуги султана ушли в горы. Вскоре оттуда долетел приглушенный грохот

барабанов, вопли и свист. Растянувшись длинной цепью, они гнали волков в сторону загона, где в нетерпении гарцевал султан, окруженный придворными.

Вот показалась волчья стая. Заметив людей, они резко повернули в сторону. Выхватывая на ходу лук и стрелу, султан помчался в погоню. За ним понеслись, растянувшись полумесяцем, все охотники.

Махмуд пустил стрелу. Матерый волк перевернулся через голову и упал. Началась потеха. Султан опередил всех: четырех волков подстрелил, а пятого загнал и разрубил пополам.

— О! Я еще не научился рубить,— разгоряченный и радостный, Махмуд остановил коня.

Подскакал Мейменди.

Махмуд обернулся в седле.

— Ты, я вижу, ждешь от меня добрых дел. Чего хочешь, проси!

— Великий султан знает: я хочу просить за Беруни.

Махмуд молчал.

— Вот уже полгода он томится в крепости. Несчастный Абу Райхан! И это награда за два прекрасных предсказания! Вместо почетных даров он получил оковы и тюрьму.

— Наш брат понимает, что я сам об этом думаю,— ответил Махмуд.— Хорезмиец — великий знаток и нет ему равных. Но в тот день его предсказания были наперекор моему желанию. Если бы он ошибся хоть в одном! Цари не терпят, когда совершается не по их во-

ле. Беруни думает найти величие в науке, но подлинное величие дает только власть. Пусть не кичится знаниями и помнит впредь свое место. Муравью не совладать со львом.

— Великий султан возгласил высокую истину,— почтительно промолвил Мейменди.

— Ладно, — продолжал Махмуд, — вернемся в Газну, распорядись, чтобы его выпустили, а я жалую ему коня, тысячу динаров и молодую невольницу.

Вечером Беруни повели во дворец.

— Не вздумай отказываться от даров, — успел предупредить его Мейменди, — не то опять угодишь в крепость!

Окруженный надимами\*, Махмуд повернулся к ученому. На его лице промелькнуло подобие улыбки.

— А-а, это ты. Садись... Чашу ему!

Шумит и сверкает веселый пир. Выступают поэты, поют певцы. Беруни поздравляют со счастливым освобождением, восхищаются дарами, которые пожаловал ему султан.

Вдруг наступает тишина: султан хочет говорить. Подняв на хорезмийца тяжелый взгляд хмельных глаз, Махмуд произносит:

— О Абу Райхан, ты сам виноват во всем. Если хочешь быть хорош с царями, поступай сообразно их желаниям, а не так, как велит твоя наука. Впредь запомни, не наука, а я сделаю тебя великим. Я!

Все лица обратились к ученому. Затаив ды-

---

\* На д и м — приближенный человек и собутыльник знатного лица.

хание, надимы ждали: чего пожелает хорезмиец? Ведь он может просить даже печать великого вазира! И султан, раз уж дал слово, от своего не откажется.

— Великий государь, я прошу...

Вздых нетерпения прошел среди пирующих: да что же он медлит?

— Я прошу разрешить мне вернуться к моим занятиям. Милости султана безграничны, но я не могу ими злоупотреблять.

На лице Махмуда появилось изумление, потом недоверие и, наконец, недовольство.

— Этот хорезмиец несправим, — вздыхает Мейменди и ему становится грустно.

Надимы испуганно переглянулись: быть беде!

Султан откинулся на подушки, закрыл глаза. Тишина стала невыносимой. Наконец Махмуд очнулся. Голос его звучал устало и глухо.

— Ты сделал выбор. Смотри, не пожалей. Уходи!

\* \* \*

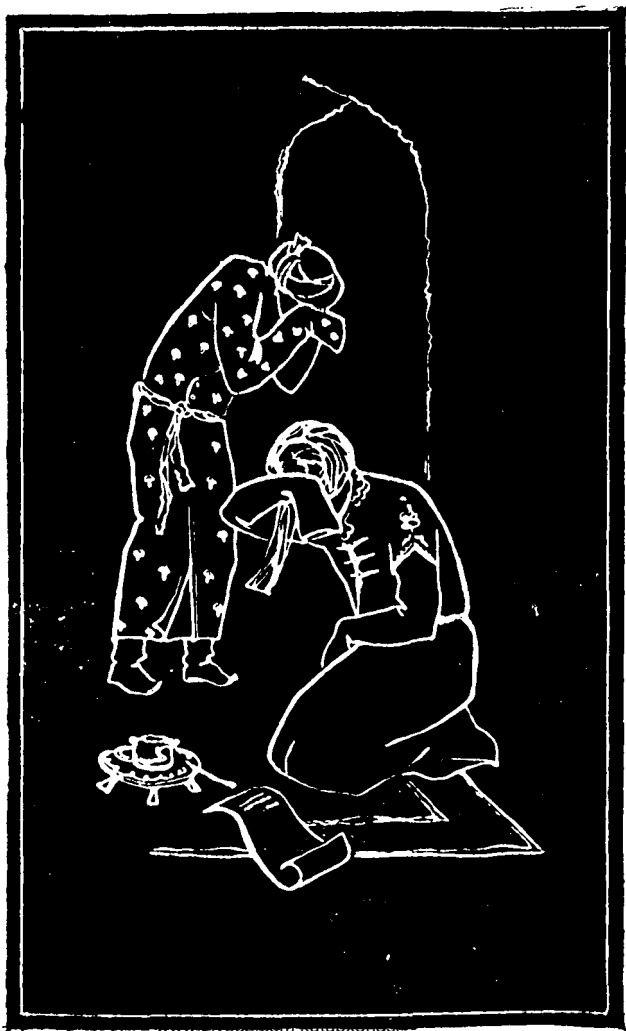
Время рассудило спор этих людей. Прошли века. Народы хранят благодарную память о сыне бедняка из пригорода древнего Кята.

Забыты «великие деяния» Махмуда, властелина Газны. Единственная память, оставшаяся о нем человечеству, это то, что он несправедливо обошелся с двумя величайшими сынами своей эпохи: Абу Райханом ал-Беруни и Абу-л-Касымом Фирдауси.

# ЗАКАТ

„О, Валвалиджи, не лучше ли для меня, покидая этот мир, знать решение еще одного вопроса, чем уйти, так и не узнав его?“

Абу Райхан ал-Беруни



---


тени айвана на ложе из одеял и мягких подушек покоится человек. Рядом с ним книги, свитки бумаг, каламдон и чернильница.

Вот уже несколько недель лежит Беруни, прикованный к постели. Болезнь и старость подкосили его. И все же он не сдавался, работал до последнего дня. А сегодня силы совсем его покинули.

Он попытался делать записи на полях недавно оконченной рукописи, но калам выпал из слабеющих пальцев. Беруни позвал ученика и велел ему записать все, что сейчас ему скажет. И только когда ученик прочитал вслух записанное, а Беруни сделал поправки и уточнения, ученый успокоился.

Собирая бумаги, юноша всхлипнул и закрыл лицо рукавом халата.

— Не надо, Мансур,— попытался успокоить его Беруни,— я ведь тоже был молод и пил из чаши здоровья, но всему свое время. Одни приходят, другие уходят. Это — справедливый и мудрый закон мироздания. Без него остановилась бы жизнь...

— О учитель! Лучше б я заболел...— голос юноши прервался.

— Моя болезнь неизлечима и зовут ее старостью,— грустно улыбнулся Абу Райхан.— Иди, Мансур. Мне нужно отдохнуть...

Беруни устало смежил веки. Последнее время у него сильно болели глаза. Он испортил зрение еще в молодости, наблюдая за солнечными затмениями. Взор человека не выдерживает солнечных лучей, и поэтому Абу Райхан, наблюдая затмение, глядел на отражение солнца в воде. Тем не менее зрение его затуманилось и он долго лечился, делая себе приочки.

Состав их Беруни узнал от голубоглазого улыбчивого румийского лекаря Дионисия. Дионисий... Не смог человек жить без родины, вернулся к себе в Византию. Да неласково приняла его блистательная империя ромеев. Один из попутчиков проговорился, что Дионисий в плену принял ислам, чтобы получить свободу. Грозило румийцу пожизненное заточение в темницах патриаршего дворца в Константинополе.

Друзья помогли ему бежать на север, в земли руссов, где Дионисий стал лекарем их царя Буладмира.

Об этом узнал Беруни еще в Хорезме, куда он вернулся после изгнания, чтобы стать придворным звездочетом и советником нового хорезмшаха.

Абу Райхан хорошо помнит этот день. Рано утром к нему пришел воин из дворцовой охраны и сказал, что у ворот шахского замка его ждет один купец. Беруни вышел на пло-



шадь и увидел Рузбега сына Кавада, который радостно его приветствовал.

— У меня новости для вас и подарок... От Динниса-румийца!

— Как?!

— Я только вернулся из Булгара, там его и встретил. А он туда прибыл из столицы руссов, Кыюв ее зовут. Говорил, что он лекарь их царя, самого Буладмира. Приехал за восточными лекарствами. Я его и не узнал сначала. Совсем как русс! А когда заговорил он по нашему, по-хорезмийски, тут я и закричал: «Диннис-румиец, ты ли это?!».

— Ну, как он? Здоров ли, как выглядит?

— Хорошо выглядит. Жизнью доволен. Он вам письмо послал и подарок.

Порывшись за пазухой, Рузбех развернул узелок из белого холста.

— Вот, глядите-ка!

Беруни ахнул: на ладони у Рузбега, словно сгусток дикого меда, светился в лучах солнца большой кусок янтаря.

— А вы посмотрите, что внутри!

В прозрачной желтовато-розовой смоле поблескивал золотом жучок-долгоносик. Эти незаметные жуки часто встречались ему на пустырях. Но разве мог подумать Беруни, что волшебница-природа превратит одного из них в произведение искусства!

Послышались шаги и шелест бумаги. Абу-Райхан приоткрыл глаза: это Мансур принес переписанные набело листы рукописи и осторожно сложил их у изголовья учителя.

— Вам что-нибудь нужно, муаллим?

— Спасибо... Отдыхай.

И снова переносится Беруни на свою далекую родину — солнечный Хорезм.

Вот он, знаменитый ученый, друг и советник хорезмшаха, производит измерения в новой столице Хорезма Гургандже. Мамун заинтересован его работой, щедро отпускает деньги на исследования своего звездочета, имя которого прославлено во всех странах Востока.

По расчетам и под руководством Абу Райхана во дворце строят квадранг диаметром в шесть локтей, с точностью делений до одной минуты. С помощью этого сооружения Беруни производит измерения полуденной высоты солнца с промежутком между днями измерения ровно в месяц. Это было в Саффаре, Раби Первом и Раби Втором четырехста седьмого года от хиджры пророка.\* Затем по трем полуденным высотам солнца Абу Райхан вычислил широту Гурганджа, определив ее в сорок два градуса и семнадцать минут.

В том же году Абу Райхан определил высоту солнца в день равноденствия. Полученные данные Беруни обобщил в книге «Указание пути к уточнению движения солнца».

И снова, как прежде, в самый разгар работы пришлось Беруни прекратить научные занятия. Над его страной нависла тень чужеземного вторжения.

Могущественный султан Газны потребовал от хорезмшаха, чтобы тот признал его своим господином.

---

\* Июль, август и сентябрь 1016 г.

— Пусть Хорезм покорится Газне,— высокомерно заявил посол Махмуда.— Могучий и непобедимый султан вставил ногу в стремя походов. Позади него — двести тысяч воинов. Ничто не устоит перед гневом потрясателя вселенной...

Мамун велел срочно вызвать Беруни.

— На вот, читай,— протянул он Абу Райхану послание Махмуда.

С первых строк понял Абу Райхан, какая беда угрожает его родине.

— Что будем делать?— спросил Мамун.

— Сейчас туркестанские ханы заняты войной под Узгендом,— ответил Беруни.— Надобно их помирить, и они из благодарности станут нашими друзьями. Тогда нам будет легче вести переговоры с Махмудом.

Через несколько дней из Гурганджа выступило богатое посольство, и при помощи Мамуна в Узгенде был заключен мир. Узнав о положении хорезмшаха, ханы предложили посредничество между Хорезмом и Газной.

Но Махмуд уже двинул свои войска к границам Хорезма.

И опять в<sup>+</sup>тяжелую минуту вызвал хорезмшах знаменитого ученого за советом.

— Нельзя допустить войны,— сказал Беруни,— Махмуд зальет нашу землю кровью...

— Тогда нам придется выполнить его требование,— проговорил Мамун.— Пусть во всех мечетях возгласят о том, что мы, великий шах Хорезма, признаем Махмуда, султана Газны, своим старшим братом и повелителем...

— Государь, это мудрое решение! Оно спасет нашу страну от бедствий и разорения.

В следующую пятницу во всех мечетях прочли молитву на имя султана Йемин ад-Даулы Махмуда сына Себук-тегина. Это означало, что хорезмшах признал его своим повелителем.

164

Народ Хорезма вздохнул с облегчением: угроза войны миновала.

Но прошло немного времени и коварный полководец хорезмшаха Алп-тегин обвинил Мамуна в измене и напал на шахский замок. Во время штурма замок загорелся. Осаждающие ворвались в пылающую цитадель и убили Мамуна.

Беруни избежал этой участи лишь потому, что незадолго до заговора уехал в степь. Здесь он выбирал ровный участок земли, пригодный для осуществления его давнишнего замысла: Беруни намеревался измерить длину одного градуса земного меридиана.

Поздно вечером прискакал к нему воин из личной охраны хорезмшаха. И поведал о гибели Мамуна и о том, что люди Алп-тегина разыскивают Беруни...

В ворота постучали. Мимо айвана промелькнул Мансур.

— Как здоровье учителя?— слышится знакомый голос.

— Он спит...

— Тогда мы подождем.

Беруни поднимает веки и узнает Аскара. Теперь он наставник столичного медресе, знаток науки исчисления. Рядом с ним Абу Ха-

мид ан-Нахшан, врач газнийской больницы, построенной в свое время султаном Масудом, сыном Махмуда.

— Идите сюда,— произносит Абу Райхан,— мне нужно поговорить с вами.

Почтительно сложив руки на груди, все приблизились.

— Как наша книга?— нетерпеливо спросил Беруни, обратившись к ан-Нахшан.

Речь шла о «Китаб ас-Сайдана фит-т-тиб», которую великий ученый написал вместе с врачом. Она содержала в себе восемьсот пятьдесят статей, посвященных различным лекарственным веществам. По предложению Абу Райхана, ан-Нахшан описал все известные ему лекарственные средства, а Беруни сделал дополнения, рассказав об особо редких лекарствах, а также дал для всех целебных веществ их названия на румийском, сирийском и других языках, «чтобы человеку легче было найти их, если пребывает он в чужих странах».

— Наставник, позвольте я осмотрю вас,— попросил ан-Нахшан.

— Потом! С этим успеешь... Сначала о книге,— заметил Беруни.

— Книгу повсюду ищут и спрашивают,— сказал ан-Нахшан.— Книготорговец Усама продал уже тридцать списков, и ему еще заказали достать столько же. Вчера у меня был человек из Самарканда, он очень просил достать ему хотя бы один список.

— Хорошо. Пусть побольше людей приобщится к искусству врачевания... Я уже на пороге смерти, а там, куда мне суждено уйти,

все сокровища царей не стоят одного доброго дела или благого поступка...

— Наставник. Вы еще встанете!— воскликнул Нахшан.

— Э, Абу Хамид, ты ведь врач, сам знаешь... Да и я не новичок...

На улице раздался конский топот и оборвался у ворот. Мансур побежал к воротам и вскоре вернулся в сопровождении трех богато одетых людей. Старший из них, в расшитом серебром малиновом халате, торжественно возгласил:

— Великий и справедливый султан Газны Абу Мансур Абд ар-Рашид, сын султана Махмуда, изволил послать нас, чтобы справиться о твоём здоровье и узнать, чем он может помочь.

Абу Райхан слабо улыбнулся.

— В таком положении даже всесильный султан не сможет мне помочь. Передайте великому султану, что Абу Райхан Мухаммад ал-Беруни преисполнен благодарности и возносит молитвы о благе властителя Газны. Передайте, пусть позаботится о моих учениках и домочадцах. А мне ничего не надо.

Ан-Нахшан попытался отвлечь наставника от тяжелых мыслей и завел речь о «Сайдане», о лекарственных растениях. Он утверждал, что румийские земли богаче лекарственными травами и веществами.

Беруни протестующе нахмурился и молвил:

— Выслушай внимательно и запомни мои слова... Каждый народ внес свою долю в сокровищницу знаний. Но греки еще до христиан

прославились в изучении явлений природы, поднявшись на ступень совершенства. Назови мне врача, который не знал бы трудов Диоскорида! И если бы Диоскорид жил в наших краях и потратил свои благородные усилия на познание целебных свойств трав, что растут в наших горах и степях, то все травы стали бы целебными...

Голос Беруни прервался, Нахшаи поднес к его губам чашечку с целебным настоем.

— Учитель, вам лучше отдохнуть.

— Постой... Я еще не кончил. Слушай. Ты говоришь, что румийские земли превосходят наши. А знаешь ли почему? Благодаря усилению их ученых в изучении целебных веществ!

Беруни закашлялся.

— Наставник, вам нужно отдохнуть, — мягко, но настойчиво произнес Аскар.

— Хорошо... Идите в сад... Я позову...

Мансур увел гостей в сад.

А Беруни снова переживал события давно минувших дней.

Газна... Неласково обошлась она с хорезмийцем. Вскоре после приезда Абу Райхана приключилась с ним большая беда. Враги донесли Махмуду о том, что Беруни написал книгу о карматах и что сам он тоже кармат.

Рассвирепевший Махмуд велел казнить Беруни. Но вмешался великий вазир Мейменди и попросил провести расследование.

Беруни бросили в темницу. Здесь он встретил своего друга и соотечественника Абд ас-Самада Ауваля, прославившегося среди мужей

науки. Он так же, как и Беруни, был насильно уведен из Хорезма в Газну.

Начались допросы. Беруни стойко переносил все испытания, умело защищался и в конце концов был признан невиновным.

А Абд ас-Самад Ауваль, доведенный до отчаяния пытками, плюнул в лицо мучителям и закричал, что самая последняя собака у карматов лучше, чем султан Газны...

По велению Махмуда, Беруни повели смотреть казнь.

Словно наяву, видит Абу Райхан гибель Ауваля. Султан велел воздвигнуть помост для казни возле Балхской мусаллы за крепостными воротами Газны. С утра туда повалил народ. Вот показалась деревянная двухколесная повозка, на которой сидел закованный в цепи Ауваль. Возле помоста его сняли и освободили от оков. Затем приказали раздеться.

Развернув султанский указ, чиновник дворцового дивана огласил: кармата приговорили к избитию камнями.

На голову осужденного нахлобучили шлем с наличником, чтобы его не сразу убили.

— Камнями его! — прозвучал повелительный окрик.

Толпа угрюмо молчала. Ни одна рука не опустилась за камнем.

— Ну, живее!

Никто не шевельнулся.

— Каждый, кто ударит камнем этого нечестивца, получит три данака!

Несколько бродяг, смущенно озираясь, подошли к куче камней. Помощник палача пер-



вый поднял камень и швырнул его в Ауваля...

В тот же день Беруни заболел горячкой, а когда выздоровел, султан сослал его в Индию. Так осуществилась давнишняя мечта Абу Райхана побывать в этой стране.

Поначалу индийцы отнеслись к нему враждебно: ведь он пришел с севера, откуда вторгались в страну полчища Махмуда. Но Беруни сумел завоевать дружбу индийцев. Он изучил их язык и даже слагал на нем стихи и переводил книги великих ученых мусульманского мира.

И тогда индусы раскрыли ему сокровищницу своих знаний, помогали в научных занятиях. Здесь, около индийской крепости Нандия, сделал Беруни измерения и вычислил окружность земного шара.

Шли годы. Беруни все глубже постигал древнюю науку Индии и наконец завершил свой труд, написав книгу.

В тот год умер Махмуд. Положение Беруни изменилось к лучшему. Старший сын Махмуда, Масуд, оказался сведущим в науках. Он приблизил великого ученого и щедро одарил его своими милостями.

Началась новая полоса в жизни Абу Райхана. Окруженный заслуженным почетом, он погрузился в составление знаменитой книги «Масудов канон». «Масудов канон» стер следы всех написанных до того книг по астрономии и математике, — утверждала молва.

Но Масуда постигла та же судьба, что и двух первых покровителей Беруни: на лвена-

дцатом году царствования он погиб от руки своих же придворных...

— Наставник! — слышится голос ан-Нахшай.— Вы спите?

— Нет.

— Пора вам подкрепить силы. Вот, возьмите!

В руках врача чашка с отваром.

Беруни протестующе покачал головой.

— Учитель, очень вас просим, не откажите! — слышится умоляющий голос Аскара.

— Ну что ж, давайте, иначе не оставите в покое...

Выпив отвар, Беруни почувствовал себя лучше.

— Послушай меня, Аскар, — сказал он, — тебе и твоим друзьям я поручаю заботу о моих рукописях.

— Я все сделаю, наставник!

— Тебе необходимо знать все мои книги. Не бросай их и не пренебрегай ими. Они все— мои дети, ведь большинство людей своими детьми и стихами очарованы.\*

— Наставник, ваши слова у нас в голове и в сердце.

— Мой путь подходит к концу, скоро я вас покину. Но я хочу, чтобы вы помнили мои советы... Наука открывает тайны тому, кто не боится труда, кто никогда ей не изменяет. Настоящая наука — это подвиг и подвижничество.

---

\* Подлинные слова Беруни.

Я знал много людей, которые могли прославить свое имя в веках. Но они изменили науке, прельстившись властью и земными богатствами. Что останется от них? Горсточка праха...

Беруни устал. В изнеможении он откинулся на подушку.

— Учитель, — взволнованно сказал Мансур, — вы не уйдете от нас, вы всегда будете жить среди нас...

— Спасибо, мой мальчик, — тихо ответил Абу Райхан. — Я буду жить среди вас в моих книгах, в вашей памяти. Я щедро делился со всеми, кто жаждет знания. Я...

Беруни начал задыхаться.

— Наставник, вам нельзя волноваться. Вам нужно отдохнуть, — умоляюще сказал Аскар.

— Еще успею...

В ворота снова застучали.

— Мансур... иди отвори.

Мансур возвратился вместе с Валвалиджи, известным правоведом и главным судьей Газны. С Беруни его связывают узы старой, испытанной дружбы.

— Мир тебе, Валвалиджи, — приветствовал его Абу Райхан слабым голосом. — Помнишь, в прошлый раз ты рассказал мне о видах неправильного раздела имущества. Повтори...

— О Абу Райхан! В таком состоянии?! — воскликнул Валвалиджи.

Губы Беруни тронула слабая усмешка.

— О Валвалиджи, — произнес он, — не лучше ли для меня, покидая этот мир, знать

решение еще одного вопроса, чем уйти, так и не узнав его?\*

Городской казий вынужден был повторить свой рассказ снова. Слушая его пространные объяснения, Беруни задавал вопросы, просил уточнить отдельные положения. В глазах ученого загорелся огонек живой мысли, он весь приободрился.

— Ну вот, — удовлетворенно вздохнул Беруни, — теперь я доволен. Спасибо, мой друг. Теперь я знаю больше, чем знал раньше.

— О Абу Райхан! — горестно покачал головой Валвалиджи, — ты все такой же... Ты никогда не щадил себя. И даже сейчас...

— Спасибо еще раз, Валвалиджи. Теперь я, пожалуй, отдохну...

— Да хранит тебя аллах! Поправляйся, Абу Райхан.

Нахшай и Аскар пошли провожать гостя, а Мансур остался сидеть у изголовья наставника.

Перед взором Беруни вставали образы людей близких и милых его сердцу. Вот мать, а рядом с ней — муаллим, первый учитель. Потом ему улыбнулись глаза Дионисия, Динниса-румийца. Вот из темноты выплыло лицо Ибн Сины, каким запомнил его Беруни в день их последней встречи.

— Я иду, скоро мы будем вместе, — прошептал Беруни.

— Что вы сказали, учитель? — встревожился Мансур.

---

\* Подлинные слова Беруни.

— Нет... Я так...

Беруни закрыл глаза.

Вернулись ан-Нахшан с Аскарром.

— Как учитель?

— Кажется, уснул.

Нахшан быстро нагнулся к Беруни. Даже в сумерках стало заметно, как он побледнел.

— Он уснул... Навеки,— вымолвил врач и зарыдал.

Задумчивый Валвалиджи понуро ехал по улице.

— Господин, как здоровье усто Беруни?— спросил старый медник, отдышавший возле своей лавки.

— Плохо, друг мой, плохо, нам остается уповать на милость аллаха.

Неожиданно до слуха городского судьи донеслись отдаленные крики, плач и причитания.

— Нет... Не может быть! — прошептал Валвалиджи. Он резко повернул коня и помчался к дому ученого.

Вскоре о смерти Беруни узнал весь город. Маленький двор и улица перед домом великого ученого не вместили всех, кто пришел с ним проститься. От пламени многочисленных факелов стало светло, как днем.

— Горе нам, горе! — рыдали ученики медресе, основанного по просьбе и настоянию Беруни. — Угасла ярчайшая звезда на небосклоне науки! О безжалостный рок! Осиротели мы! Горе нам!

На следующий день вся Газна вышла на улицы, чтобы проститься с усто Беруни.

Весть о смерти Абу Райхана быстро распространилась по странам Востока, и люди науки горестно оплакивали кончину великого ученого.

\* \* \*

174

Вскоре после смерти Абу Райхана ученый по имени Шахразури написал о нем слова, которые сохранились до наших дней. Он писал: «Беруни твердо придерживался обычая довольствоваться лишь самым необходимым. Будучи безразличен к благам этого мира и пренебрегая обыденными делами, он всецело отдавался приобретению знаний, сгибаясь постоянно над составлением книг. Он раскрывал врата наук, искал разрешения их трудностей и делал науки доступными. Его рука никогда не расставалась с каламом, глаза постоянно делали наблюдения, а сердце было устремлено к размышлению».

Минуло несколько столетий, но люди науки помнили о Беруни и считали его величайшим ученым.

«Не было ни в его время, ни после него, вплоть до сего рубежа, ученого, более искушенного в науке астрономии и более сведущего, как в ее главных положениях, так и в ее тонкостях», — писал о Беруни на исходе XIII века знаменитый сирийский ученый Абу-л-Фарадж.

С благодарностью вспоминают о великом сыне древнего Хорезма и в наши дни. Работы

Беруни изучаются, переводятся на языки народов Советского Союза, они издаются во всем мире, оставаясь бесценным памятником далекой эпохи, незаменимым источником для всех, кто интересуется историей науки.

Жизнь Беруни всегда будет для нас примером бескорыстного служения науке, человечеству.

---

## СОДЕРЖАНИЕ

МУАЛЛИМ	5
ДИОНИСИЙ	83
АЛ-ИРАКИ	69
ВО ДВОРЦЕ	89
РЕЙ	111
ГАЗНА	181
ЗАКАТ	157

Михаил Николаевич Федоров

АБУ РАЙХАН

НОВЕЛЛЫ О БЕРУНИ

Редактор И. Рогов

Художник Г. Жирнов

Худож. редактор К. Назаров

Техн. редактор Л. Жихарская

Корректор З. Наджатова

Сдано в набор 11 XII-1973 г. Подписано в печать 6/V-1974 г. Формат 70×108<sup>1/32</sup>. Печ. я. 5,5. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,11. Тираж 45.000. Договор 99-73. Цена 23 коп. Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия», Ташкент, ул. Навои, 30. Типография издательства ЦК КП Узбекистана, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Заказ 3545. Бумага № 1. Р 11148.